ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Федерации об'единений советских писателей РСФСР

№ 41 (21[illegible]) 11 СЕНТЯБРЯ 1932 г. Цена 10 к.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

1 стр.
ПЕРЕДОВАЯ: Социалистическому Уралу—большую литературу.
К 40-летнему юбилею М. Горького.
Хроника подготовки.
И. Нусинов.—М. Горький о сущности контрреволюции.
2 стр.
Г. Лебедев.—В защиту практики.
И. Анисимов.—Лучшие писатели Запада порывают с капитализмом
Трибуна писателя: Н. Чуковский.—Управдом или Дарвин.
3 стр.
Уральская.
4 стр.
П. Марков.—Столетие б. Александринского театра.
И. Эренбург.—О западе.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ: Э. Багрицкого, С. Динамова, М. Кольцова, В. Лидина, А. Селивановского, И. Сельвинского, М. Субоцкого, И. Серебрянского, Е. Усиевич.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМУ УРАЛУ БОЛЬШУЮ ЛИТЕРАТУРУ!

«Многие из нас пришли сюда, на Северный Урал, в конце прошлого столетия, когда на месте завода были лес и болото. Тысячи людей жили в землянках, тысячи умирали от цынги, эпидемий, недоедания. Большей частью мы прожили в обстановке капиталистического удушья, угнетения, принижения человеческого достоинства, чудовищной эксплоатации» (из письма старых рабочих Надеждинска М. Горькому).

«Где два года назад была глухая тайга и степь, сегодня вчерашние колхозники, единоличники, вчерашние кустари разных народностей—сегодня новые рабочие, плечом к плечу с пролетариатом, под его руководством, создают новые социалистические промышленные центры: Вишеру, Березники, Уралмедьстрой, Магнитострой, Тагилстрой» (И. Кабаков, секретарь Уралобкома ВКП(б).

Две цитаты — две эпохи. Урал каторжный стал Уралом социалистическим, важнейшим индустриальным центром страны Советов. Демидовские крепостные рабы превратились в активных строителей, для которых труд—дело доблести и геройства. На месте землянок вырастают соцгорода, дворцы культуры, театры и кино. Уральские пролетарии, «вчерашние колхозники, единоличники, вчерашние кустари разных народностей», сегодня живут уже по-новому, изо дня в день улучшается их материально-бытовое положение, они овладевают высотами культуры.

Уральская партийная организация ведет трудящихся все к новым победам, под ее руководством, под руководством Центрального комитета партии во главе с т. Сталиным уральцы берут подступы ко второй пятилетке.

Правдиво отобразить эти гигантские процессы, мобилизовать трудящиеся массы на дальнейшую борьбу, передать опыт Урала всему Союзу и мировому пролетариату, запечатлеть незабываемые картины стройки, показать рост нового человека— величайшая задача советской литературы и всего фронта искусств.

Урал создает свою литературу. Строители Магнитогорской домны-уникум, Челябинского тракторного, Уралмашинстроя заложили и первые кирпичи здания уральской литературы. Тт. Харитонов, Ручьев, Добычин, Ворошилов, Сержантов и др.—работники Урала — ударники фабрик и заводов—упорно и успешно работают над собой: овладевают писательским ремеслом. Уральский союз советских писателей создается не на голом месте, он имеет крепкую базу массового литературного движения, из недр которого уже выходят—и еще больше выйдет в будущем—талантливые рабочие-писатели.

Успешная перестройка и дальнейший рост литературного движения Урала затрудняется, однако, прежде всего тем наследством, которое осталось от старого, оппортунистического руководства УралАПП, распущенного незадолго до апрельского постановления ЦК партии. Это руководство, воспользовавшись невниманием к литературным делам со стороны местной общественности, в результате безответственности б. руководства РАПП, не уделявшего почти никакого внимания такому важнейшему участку своей работы, как Урал, тормозило творческий рост ударников, бюрократически игнорировало рабочие литературные центры, зажимая идущую снизу самокритику, насаждало групповщину и семейственность, превратив руководящий литературный журнал «Штурм» в трибуну для враждебного творчества (Н. Андреев и др.). Уралобком партии крепко ударил по оппортунистам из УралАПП и в специальном решении наметил программу оздоровления и улучшения литературной работы, обязав все партийные организации уделять ей повседневное внимание. Большую роль здесь сыграл и уральский комсомол. Что же касается б. руководства РАПП, то оно и после вскрытия болезней уральской ассоциации не сделало необходимых выводов, пыталось уклониться от ответственности, не пожелало признать того факта, что уральские события явились следствием негодной системы его работы.

Постановление ЦК от 23 апреля и решения Уралобкома, закрепленные целой серией практических мероприятий, повседневным вниманием к вопросам литературы,—уральская парторганизация показывает пример конкретного руководства и заботы о литературной работе,—обеспечили необходимый перелом в литературном движении Урала. Под руководством обкома партии, с его помощью, для писателей Урала создаются наилучшие условия для творческой работы, проводится перестройка работы литературных кружков и т. д.

Но создание литературы Урала и об Урале не является «местным» делом; это—задача всей советской литературы. Уральские товарищи вправе ожидать от советских писателей Москвы и Ленинграда действенной помощи литературному движению, а прежде всего—активного творческого внимания социалистическому строительству на Урале. Советский писатель должен быть тесно связан с социалистической практикой, из нее он черпает материал для своего творчества, делу социализма он служит своими произведениями. Урал открывает громадные творческие возможности для советской литературы. Они использованы еще в далеко недостаточной степени, а между тем имеющийся опыт (А. Малышкина, В. Катаева и др.) показывает, насколько эти возможности реальны. Урал должен стать одним из основных опорных пунктов работы отдельных писателей и всего союза советских писателей.

Это тем более так, что полгода назад ряд советских писателей и деятелей искусств взял на себя ряд конкретных обязательств, выдал социалистический вексель Уралу. Мы предприняли проверку выполнения этих обязательств. Результаты ее неутешительные. Сделано очень мало, лишь немногие писатели и театры связались с Уралом. Общественность Урала оказалась обманутой в своих надеждах. Это произошло потому, что не было проверки исполнения. Многие участники бесед с приезжавшей в Москву уральской делегацией уже на следующий день забыли про свои обещания, а между тем на Урале к ним отнеслись со всей серьезностью, как к большому делу.

Печальная история, которая никак не может способствовать повышению авторитета советских писателей среди трудящихся Урала!

Само собой разумеется, что необходимо немедленно взяться за исправление положения дела. Думается, что требуется не столько воскрешать забытые декларации, сколько начать, наконец, организованную практическую работу. Забота об Урале, помощь уральской организации писателей, создание общественного и творческого внимания писателей к Уралу, — все это должно стать постоянным делом единого союза советских писателей. Урал должен явиться одним из основных опорных пунктов его работы, при участии лучших наших литературных сил должен быть создан новый крупный литературный центр на Урале.

«Одним из великих путей к Магнитострою искусств будет проложен через социалистический Урал», писали авторы обращения ко всем работникам литературы и искусства и секретарю Уралобкома партии т. Кабакову. За реализацию этого прекрасного лозунга должны развернуть борьбу прежде всего те, кто его написал, а также все советские писатели.

На ударном участке

Октябрьская серия „Федерации"

Издательством «Федерация» взятый издания октябрьской серии, намеченный в начале второго квартала текущего года, выполняется полностью за исключением одной только «Красной книги Москвы», исключенной из плана.

50 процентов серии на сегодня обеспечены бумагой и должно выйти в намеченные сроки. Остальные двадцать процентов также выйдут без опоздания, если будет во-время получена следуемая издательству бумага. Выпуск серии начнется со второй половины сентября и должен быть закончен в первой половине ноября. Вся серия уже сдана в производство.

Роман М. Горького «Дело Артамоновых».
Сдан в набор 15 августа. Гранки —15 сентября. Выход—15 ноября.

Роман Л. Леонова «Скутаревский».
Сдан в набор. Гранки—10 октября. Выход—15 ноября.

Роман Новикова-Прибоя «Цусима».
Сверстан к 15 сентября. Выход — вторая половина сентября.

Роман Артема Веселого «Россия, кровью умытая».
Набран полностью, частично сдан в верстку; верстка должна закончиться к концу сентября. Выход—вторая половина октября.

Рассказы В. Герасимовой «Панцырь и забрало».
Сверстаны. Сданы на правку. Поступят в издательство и будут подписаны к печати 15 сентября. Выход — вторая половина октября.

Рассказы И. Бабеля.
Сданы в набор. 15 октября будут подписаны к печати. Выходят в первой половине ноября.

Книга Вс. Иванова «Повести многих лет».
Заканчивается набор. Должна быть подписана к печати в первой половине октября. Выход — конец октября.

Сборник стихов Эд. Багрицкого.
Сдан в набор; во второй половине сентября будет подписан к печати. Выход—конец октября.

Сборник стихов А. Безыменского.
Сдан в набор. Гранки и выход в октябре.

«Стихи» Н. Тихонова.
Сверстаны. Частично подписаны к печати. Выйдут во второй половине сентября.

Сборник стихов Д. Бедного.
Набран. Будет верстаться во второй половине сентября. Выйдет в первой половине октября.

Книга стихов Б. Пастернака.
Набрана, будет подписана к печати в конце сентября. Выход — первая половина октября.

Сборник стихов В. Маяковского.
Находится в наборе. Гранки — вторая половина сентября. Выход — первая половина октября.

Роман Ф. Панферова «Бруски».
Подписан к печати 5 сентября.

«Перегной» Л. Сейфуллиной.
Подписан к печати 3 сентября.

В Оргкомитете

На последнем заседании президиума оргкомитета (9 сентября) было заслушано информационное сообщение И. М. Гронского о юбилее М. Горького и той работе, которую проводит горьковская комиссия, созданная ЦК ВКП(б), ЦИК СССР и оргкомитетом.

Президиум оргкомитета постановил включиться в общую работу правительственной комиссии по подготовке к юбилею Горького.

Оргкомитет поручил массовому сектору дать директиву республиканским оргкомитетам советских писателей о проведении юбилея Максима Горького.

Оргкомитет обсудил ряд вопросов, посвященных предполагаемому жилищному строительству, для чего создана специальная комиссия.

Президиум оргкомитета командировал в Ленинград для участия в юбилейных торжествах столетия Ленгосдрамы (б. Александринского театра) В. Киршона в качестве представителя оргкомитета союза советских писателей СССР и РСФСР.

К 40-летию литературной деятельности М. ГОРЬКОГО

ЦК ВКП(б), ЦИК СССР и оргкомитет союза советских писателей СССР создали комиссию для проведения 40-летнего юбилея литературной деятельности М. Горького.

В Москве будет организован литературный институт (высшее учебное заведение) им. М. Горького, рассчитанный на 100—200 человек. Этот институт должен стать всесоюзным центром совершенствования пролетарских писателей, зарекомендовавших себя талантливыми произведениями. При институте намечено организовать библиотеку, которая явится одной из лучших в мире. В этой библиотеке будут сосредоточены все материалы, относящиеся к вопросам литературы и искусства. Вначале для литературного института им. Горького будет предоставлено временное помещение. В 1933 году будет приступлено к постройке специального здания института.

В различных вузах и втузах Советского союза устанавливаются стипендии им. М. Горького.

Для поощрения работы советских писателей над созданием литературных произведений, достойных нашей эпохи, комиссия признала целесообразным установить ежегодную всесоюзную премию им. М. Горького за лучшее произведение, написанное на одном из языков СССР.

По линии печати комиссия наметила издание собрания сочинений М. Горького, шеститомника избранных его произведений, публицистических работ и [illegible] библиографии Горького.

Кроме того будут изданы портреты Горького различных периодов его литературной деятельности, будут выпущены юбилейные открытки с портретом Горького и отдельных персонажей его произведений и, наконец, юбилейные почтовые марки.

В юбилейные дни в театрах (25 сентября) будут поставлены пьесы Горького, состоятся выступления писателей, артистов, художников в специальных литературно-художественных отделениях перед началом спектаклей (художественное чтение отрывков из произведений Горького).

Союзкино выпускает ко дню юбилея в прокат кинофильмы, созданные по произведениям Горького. Эти фильмы будут демонстрироваться не только в крупных промышленных центрах, но и в деревне. Во всех рабочих клубах, школах, избах-читальнях органы устраивают литературно-художественные вечера, посвященные литературной и общественной деятельности Горького.

24 и 25 сентября организуются радиопередачи по специальной программе. Во время радиопередачи будут читаться произведения Горького.

* *

Как проходит подготовка к юбилею Максима Горького в различных городах РСФСР?

Москва

Рабочая, писательская и театральная общественность Москвы начала подготовку к юбилею М. Горького.

Электрозавод выпускает к юбилею Горького специальную брошюру, посвященную истории завода. 25 сентября газета «Электрозавод» выпускает специальный номер заводской газеты, посвященный Максиму Горькому.

Одному из цехов Электрозавода, где имеется много рабочих-читателей, присваивается звание «цех им. М. Горького». Библиотека Электрозавода пополняется рядом новых книг М. Горького.

Массовый сектор оргкомитета советских писателей РСФСР организует на всех крупных предприятиях горьковские литературные вечера.

25 сентября в Колонном зале Дома союзов состоится юбилейное торжественное заседание, посвященное 40-летию литературной деятельности М. Горького. На собрании выступят представители ЦК партии, Наркомпроса, оргкомитета союза советских писателей и [illegible] организаций.

Музей театра Вахтангова совместно с Музеем им. Горького открывает 25 сентября на премьере «Егор Булычев» выставку «Горький в театре». Эта выставка должна охватить драматургический постановочный материал от «Мещан» до «Егора Булычева».

В творческом списке Горького числится всего 14 пьес, не считая разнообразных инсценировок и киноинсценировок произведений Горького, которые шли по инициативе ряда театров и кинорганизаций. В этом списке имеются пьесы, которые были запрещены для постановок царской цензурой («Враги», «Последние» и др.); имеются пьесы, по которым выставочный материал чрезвычайно невелик. Задача организуемой выставки — привлечь внимание советской общественности к творчеству Горького как драматурга.

Музей экспонирует на выставке материалы из единственной наиболее полной коллекции фотографий-оригиналов первых постановок «Мещан» и «На дне». Пьесы Горького «Дачники» и «Дети солнца» иллюстрируются на выставке в материалах постановок театра Комиссаржевской, пьеса «Варвары» — по материалам театра Незлобина. Имеющиеся фотоснимки постановок иллюстрируют отражение горьковской драматургии в живой театральной практике.

Особо разработанным отделом выставки явится постановка в театре Вахтангова последней пьесы Горького «Егор Булычев». Музей театра Вахтангова мобилизует для организации этого раздела выставки весь имеющийся режиссерский материал, который поможет более углубленному пониманию зрителем как текста самой пьесы, так и трактовки его в данной постановке.

* *

25 сентября МХАТ ставит «На дне» в основном составе с участием передовых артистов В. Качалова и И. Москвина.

В декабре на малой сцене МХАТ будет проведен вечер Горького. Ряд рассказов и отрывков из различных произведений М. Горького об'единены общей темой «Прошлое царской России и рост рабочего сознания». В этот спектакль входят отрывки из «Детства», «Хозяева», «Страсти-мордасти», «Матери» и др. Монтаж отрывков произведен т. Сухотиным. Несколько отрывков для этого спектакля заново написаны А. М. Горьким. Текст инсценировки в целом просмотрен и утвержден Алексеем Максимовичем.

Режиссер спектакля М. Н. Кедров. Художник—С. И. Иванов. В спектакле будет занято около 40 человек, в том числе тт. Тарханов, Баталов, Бендина и др.

Ленинград

Большой драматический театр в день юбилея Горького 25 сентября ставит его пьесу «Егор Булычев» и др. К премьере театр выпускает специальную газету, посвященную творчеству писателя. Совместно с публичной библиотекой в фойе театра организуется выставка, посвященная литературной деятельности Алексея Максимовича. До премьеры театр проведет несколько репетиций спектакля «Егор Булычев» на заводе «Красный треугольник» и в Доме ученых.

Выставки, посвященные Горькому, открываются в институте новой литературы и Публичной библиотеке.

В рабочих клубах и красных уголках ленинградских предприятий в горьковские дни будут устроены специальные вечера и летучие митинги, на которых выступят агитбригады с произведениями Горького. К этим же вечерам хоровые музыкальные кружки готовят ряд музыкальных произведений, написанных на текст Горького.

В домах культуры и рабочих клубах организуется цикл лекций о Горьком.

Все крупнейшие предприятия Ленинграда устраивают уголки, посвященные творчеству Горького. Создаются выставки на темы «Горький на сцене», «Творческий путь Горького». Ряд театров организует специальные вечера о Горьком.

Перед спектаклями и киносеансами будут проводиться доклады о творчестве Алексея Максимовича.

Союзкино возобновляет демонстрацию фильм «Мать», «Каин и Артем», «Дело с застежками».

24 сентября в зале Филармонии состоится юбилейный вечер с участием партийной, профсоюзной и писательской общественности.

Нижний-Новгород

Общественные и литературные организации Нижнего-Новгорода начали подготовку к празднованию юбилея Максима Горького.

В нижегородском литературном музее им. М. Горького открываются к юбилею два новых отдела: «Горький и начинающий писатель» и «Горький и читатель». Музей издает сборник стихов о Горьком и библиографический сборник.

Крайоно в программу подготовки к XV-летию Октября включило особый пункт об изучении во всех школах края литературных произведений М. Горького.

Воронеж

В рабочих клубах Воронежа и области проводятся вечера, посвященные Горькому. В кинотеатрах демонстрируются фильмы, поставленные на произведениях Горького. В начальных школах устраиваются массовые детские утренники. В средних школах будет проведена проработка разделов программы посвященных Горькому.

Оргбюро союза советских писателей [illegible] развертывает призыв новых ударников в литературу и проведет [illegible] в горьковских днях.

М. Горький о сущности контрреволюции *

I

Купец Яков Маякин — одна из центральных фигур изумительной книги М. Горького «Фома Гордеев» — дает в своих беседах с Фомой и своей дочерью развернутую политическую программу октябристской русской буржуазии:

«Прижать дворянство, сохранить самодержавие и, примерно, на основе третьеиюньского режима быть привлеченным к власти и участию в правительстве, где наряду со Столыпиным заседали бы Гучковы. Включенные в «строители жизни» Гучковы «единым махом очистят жизнь от всякой скверны».

Яков Маякин глубоко уверен, что этот день для его класса скоро наступит, его «программа-максимум» будет скоро осуществлена. Торжеству класса мешают блудные сыновья: вроде его в молодости радикальствовавшего сына Тараса или безвольного правдоискателя Фомы.

С этим врагом в собственных рядах ему справиться легко: правдоискатели типа Фомы — единицы. Они безвольны и бесхребетны и их сломать не трудно. А блудные сыновья буржуазии быстро возвращаются в отчий дом.

Сложнее борьба с революционерами. Они—классовый враг, и к ним Маякин проникнут глубокой ненавистью. С ними он готовится к беспощадной борьбе.

Он видит, что его правда отрицается их правдой, его мораль их моралью, и сама его жизнь отрицается всей их жизнью.

Основа их правды—борьба за счастье трудящихся. Маякин не допускает возможности этого счастья. Это противоречит природе человеческой.

Он неприемлемому его купеческую мораль Фоме об'ясняет:

«Всякий себе лучшего желает, а что оно лучшее? Вперед людей уйти, выше их стать. Вот все и стараются достичь первого места в жизни. К этому человек и назначен. [illegible] даже в книге Иова это выражено: «Человек рождается на страдание, как искры, чтобы устремляться вверх». Характерна для идеолога эксплоататоров [illegible] показать, что подлинный смысл человеческих устремлений вверх состоит как раз в обратном тому, что сказано в книге Иова, а именно: в уничтожении всякого рода страданий. Идеолог капиталистической собственности и собственнической власти над другими, он видит в стремлении буржуа к возможно большему угнетению других, к возможно большему возвышению над другими, вечный закон жизни.

«Как могут быть все счастливы,—говорит он дочери,—если каждый хочет лучше другого быть? И никогда человек человеку не уступит — дураки только это думают... у каждого душа своя... только тех, кто души своей не любит, можно обтесать под одну мерку, эх, ты, начиталась, наигралась дряни» (225).

В другой раз он ей говорит:

«Бескорыстным человек не может быть... за чужое он не станет биться... а ежели бьется — дурак ему имя и толку от него никому не будет! Нужно, чтоб человек за себя встать умел... за свое кровное... тогда он добьется» (196).

Здесь М. Горьким вскрыта вся «премудрость» буржуазной критики социализма, все ограниченное тупоумие умнейших представителей буржуазии, вся их беспредельная лживость.

Маякин издевается над жалобами старого купца Щурова, что капитализм нивелирует личность. Маякин хвалит собственническое государство за то, что оно обтачивает людей, как кирпичи, «все одинакогой высоты и веса, как я хочу, так и положу». Но, споря против социалистов, он утверждает, что «только тех, кто душа своей не любит, можно обтесать под одну мерку».

Тут вопиющее противоречие. И его Горький не подсовывает Маякину. Наоборот, М. Горький вскрывает это вполне закономерное для буржуазного сознания противоречие.

Для своего господства буржуазия нуждается в обезличенных рабах и в машинизированных двуногих аппаратах. Живые, мыслящие, сознательные рабочие — «беспокойные люди», готовые к борьбе,—смерть для капитализма. Маякин поэтому хвалит государственную машину, превращающую людей в бессловесные кирпичи.

Буржуа не только допускает, но и нуждается в кирпиче — подобном равенстве людей, но буржуа против социального равенства, ибо он знает, что торжество социального равенства — гибель его класса.

Столь же закономерно для собственнического буржуазного мышления суждение Маякина о животном эгоизме как единственном двигателе человеческого поведения.

Иной цинический буржуа, более просвещенный, чем Яков Маякин, знающий не только книгу «Полидора Вергилия Урбинского», но и побывавший в молодости в марксистах, тут прибавит:

«Да ведь это материалистическая философия».

Но это есть лишь типическая подмена (в прошлом очень характерная для буржуазии, а сейчас для буржуазии и социал-фашистов) «исторического материализма историческим цинизмом», как любил говорить Плеханов.

Философия Маякина базируется на опыте буржуазии. Вся социальная деятельность буржуа есть производная от двух линий: угнетение другого класса и стремление разорить всех своих конкурентов в рамках своего же класса. Этот опыт Маякин считает нормой для человека всех времен.

Маякин прав, когда он о человеке своего класса говорит: «Бескорыстным человек не может быть». Но пролетарий добиться своего может, лишь добившись для всего своего класса, и поэтому его классовый эгоизм предполагает личную жертвенность, личное бескорыстие, чего, конечно, Маякину, при всем своем уме, не дано понять.

Не дано это ему понять по той простой причине, что к тому, что в критике революции и социализма сказал этот на грош ученый волжский самородок тридцать с лишком лет назад, по существу ничего не добавили позднее все профессорские буржуазные мудрецы со всеми своими философскими трудами, экономическими исследованиями и политическими трактатами.

Ведь вся их критика социализма сводится к этой маякинской мудрости, что «лучшее — достичь первого места в жизни», и потому социальное равенство невозможно. Настойчиво добиваться и бороться человек может только за свое кровное, и потому промышленное процветание возможно только лишь на основе частной собственности, а уничтожение классов невозможно, потому что «только тех, кто души своей не любит, можно обтесать под одну мерку».

М. Горький образом приволжского купца, мудростью которого восторгались все умные головы русской буржуазии, раскрыл тридцать лет назад всю умственную убогость буржуазно-капиталистической мысли.

II

Образом Якова Маякина М. Горький не только обнажил все нищенство буржуазной философии и морали. М. Горький образом Маякина за тридцать с лишком лет до наших дней вскрыл всю политическую ограниченность, историческое тупоумие и звериноклассовую жестокость буржуазии в годы революции.

Яков Маякин предвидит неизбежность революции. М. Горький вкладывает ему в уста слова о тактике буржуазии в революции, которые, по своему предвиденью, имеют очень мало равных себе примеров в мировой литературе.

«Смутилась Россия, — говорит он дочери, — и нет в ней ничего стойкого: все пошатнулось». Катастрофа неизбежна.

Где же выход? «Что же надо делать?», спрашивает его дочь.

Маякин, правда, говорил однажды Фоме, что дворянство и самодержавие вынуждены будут призвать буржуазию делить с ней власть, и тогда буржуазия, «включенная в строители жизни», «единым махом очистит жизнь от всякой скверны и разных лишков». Но Маякин прекрасно себе представляет, как мало шансов у буржуазии на такой мирный «по указу его императорского величества» приход к власти. Гибель самодержавия неизбежно будет связана с большими социальными потрясениями. Но в конечном счете буржуазия станет хозяином жизни. К ней перейдет власть. У Маякина сложная продуманная тактика поведения буржуазии на весь период революционных потрясений до торжества контрреволюции.

Он излагает свою тактику своей дочери.

Его ответ стоит привести полностью. Он представляет собой такой образец художественной прозорливости, до которой мог подняться большой писатель, вооруженный пролетарским пониманием социальных процессов.

«Уж коли настало такое время, — азартно крикнул старик, — что всякий шибздик полагает про себя, будто он все может и сотворен для полного распоряжения жизнью,—дать ему, стервецу, свободу! На, сукин сын, живи! Ну-ка, живи? А-а! Тогда воспоследует такая комедия: почуяв, что узда с него снята, зарвется человек выше своих ушей и пером полетит — и туда, и сюда... Чудотворцем себя возомнит и начнет он тогда дух свой испущать...»

Старик сделал паузу и с ехидной улыбкой, понизив голос, продолжал:

«А духа этого самого строительного со-овсем в нем малая толика! Попыжится он день-другой, потопорщится во все стороны и — в скорости ослабнет, бедненький! Сердцевина-то гнилая в нем... Ту-ут его, голубчика, и поймают настоящие, достойные люди, те настоящие люди, которые могут... действительными штатскими хозяевами жизни быть, которые будут жизнью править не палкой, не пером, а пальцем да умом. Что, скажут, устали, господа? Что, скажут, не терпит селезенка настоящего-то жару? — И повысив голос, властным тоном старик закончил свою речь:

— Ну, так теперь вы, такие-сякие,— молчать и не пищать! А то, как червей с дерева, стряхнем вас с земли! Цыц, голубчики! Вот оно как произойдет, Любавка! Хе-хе-хе.

Старику было весело. Его морщины играли, и, упиваясь своей речью, он весь вздрагивал, закрывал глаза и чмокал губами, как бы смакуя свои слова.

— Ну и тогда-то вот те, которые верх в сумятице возьмут, жизнь на свой лад, по-умному, и устроят... Не шаляй-валяй пойдет дело, а как по нотам! Не доживешь до этого, жаль!..» (196 и 197).

Реакционные буржуазные и радикальствующие социалистические писатели и мыслители всех сортов и рангов без конца в течение полувека шумели о пророческих предвидениях и гениальной прозорливости Ф. М. Достоевского в его изображении революционеров.

Но «пророк русской революции», как окрестил Ф. М. Достоевского один из его реакционнейших истолкователей и апологетов Д. Мережковский, на самом деле не напророчил, ни какова будет революция, ни каковы будут революционеры. Он дал лишь действительно гениальное выражение того, как контрреволюция представляет себе революцию. Как раз потому все Смердяковы от контрреволюции об'явили Ф. М. Достоевского «пророком революции». В «Бесах» Достоевский заготовил достаточно клеветы, чтобы утешить сердце всей погибающей собственнической смердяковщины, жаждущей увидеть революцию.

Ф. М. Достоевский, защитник реакции, дал злобно искаженное представление о революции социальной группы, лишенной понимания сущности революции, а без такого понимания, конечно, ни о каком предвидении не может быть и речи.

М. Горький, проникнутый пролетарским пониманием социальных процессов, действительно дал замечательное предвидение сущности контрреволюции и бесовской природы контрреволюционеров.

В самом деле, в этих двух десятках строк, вкладываемых в уста Маякина, М. Горький начертал последующие планы и маневры контрреволюции.

Здесь издевательство буржуазии, а заодно с ней и всех эсеровских и меньшевистских умников над большевистской, социалистической революцией:

— Вздумали строить социализм в отсталой крестьянской стране!

Здесь презрительно-«ученое» отношение ко всякого рода «большевистским экспериментам» или, как говорит Маякин, над тем, что «зарвется человек выше своих ушей и пером полетит и туда и сюда!»

Здесь насмешка важных «государственных мужей» от Шульгиных до меньшевистских Гарви и Далиных над «творчеством масс»:

«Чудотворцем себя возомнит и начнет он тогда свой дух испущать».

Здесь ехидное злорадство всех Данов и их предвкушение неизбежной катастрофы социалистического строительства:

«А духа этого самого строительного со-овсем в нем малая толика! Попыжится он день-другой, потопорщится во все стороны и в скорости ослабнет бедненький, сердцевина-то в нем гнилая».

Совсем пересказом передовых «Рулей» в всяких «Последних новостей», возвещающих каждый раз близкое возвращение эмиграции в Россию, звучат слова Маякина:

«Ту-ут его, голубчика, и поймают настоящие достойные люди, те настоящие люди, которые могут... действительными штатскими хозяевами быть... которые будут жизнью править не палкой, не пером, а пальцем да умом. Что, скажут, устали, господа? Что, скажут, не терпит селезенка настоящего-то жару?»

Изумительная деталь фраза о «достойных людях, настоящих людях, которые могут действительными штатскими хозяевами в жизни быть» — ведь это же прямое предвосхищение героев «промпартии», которые противопоставляли себя как большевикам, у которых «духа строительного совсем малая толика», так и генеральской контрреволюции, «правящей жизнью палкой».

Вариацией «молитв» и «клятв» Зинаиды Гиппиус, жажды всей буржуазии отметить является садистское предвкушение Маякиным расправ.

Наконец, в полном соответствии с проектами Денисовых и Манташевых о политическом и экономическом устройстве страны, после того как расправа с пролетариатом будет закончена, Маякин пророчествует:

«Ну и тогда-то вот те, которые верх в сумятице возьмут жизнь на свой лад, по-умному, и устроят... не шаляй-валяй пойдет дело, а как по нотам! Не доживешь до этого, жаль».

Только не дожили до этого не только Яков Маякин, но и Денисовы и [illegible], не дожили все эти «настоящие люди, действительные штатские хозяева жизни» из пром- и прочих контрреволюционных партий.

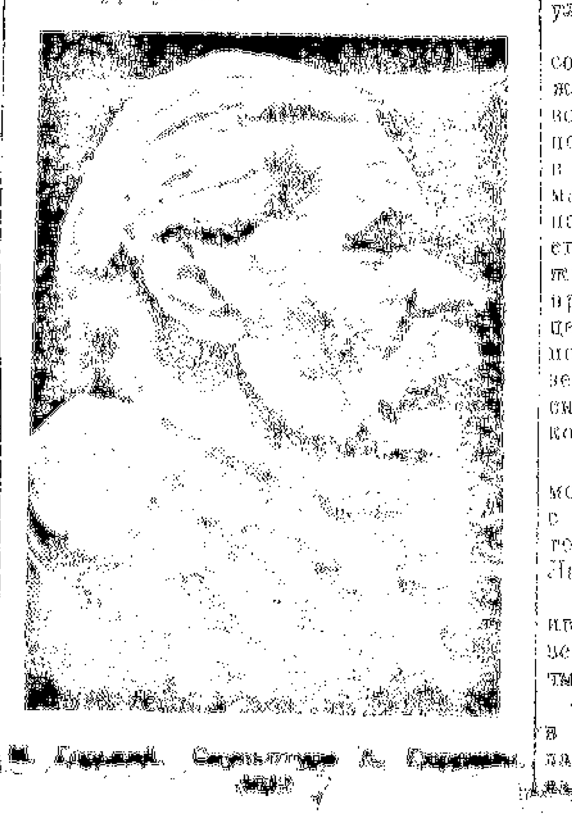
Все эти планы и упования современных Маякиных не осуществились, а [illegible] совсем наоборот, чем это предсказал [illegible] Яков Маякин, как его характеризует [illegible]

Не потому ли Маякина разгромила пролетарская революция, а литература пролетариата [illegible]

И. НУСИНОВ

Раздел выставки-музея им. Горького „Горький—организатор массовых изданий и журналов"

* Глава из работы «М. Горький и русская буржуазия».



М. Горький. Скульптура [illegible]

Лучшие писатели Запада порывают с капитализмом

1.

Международный антивоенный конгресс в Амстердаме — яркое свидетельство роста революционного сознания среди трудящихся масс стран капитализма — представляет существенный момент борьбы западного пролетариата за революционный выход из кризиса. Он показал, что на борьбу с капитализмом пролетариат увлекает за собой широкие слои мелкой буржуазии, которой кризис наносит потрясающие удары, развеивая в прах иллюзии относительной устойчивости капитализма. Антивоенный конгресс — свидетельство приближения решающих классовых битв, назревания революционного кризиса в странах капитализма.

Амстердамский конгресс представляет событие, имеющее огромное значение и для литературного движения на Западе. Не случайно ближайшими инициаторами его были французские писатели Ромэн Роллан и Анри Барбюс, не случайно среди участников конгресса было много лучших писателей Запада и Америки — Драйзер, Дос Пассос, Шервуд Андерсон, — в современной литературе стран капитализма все более широкое выражение получает процесс роста революционного сознания в массах, знаменательным выражением которого явился амстердамский конгресс.

Лучшие писатели Запада порывают с капитализмом.

Империализм располагает многочисленными кадрами литераторов, защищающих шкурные интересы эксплоататорского класса. «Творчество» этих литераторов, защищающих гибнущий капитализм, барабанщиков фашистской диктатуры, ведущих открытое наступление на рабочий класс, представляет картину подлинного цивилизованного варварства. Эта литература озверения, мракобесия, каннибализма — уродлива, как только могут быть уродливы идеологические формы загнивающего класса. По отношению к этим литераторам уместно напомнить гневную реплику Ленина: «псы и свиньи умирающей буржуазии»!

Даже среди писателей Запада, находящихся в капиталистическом лагере, далеких от революционности, находятся люди, благородно и смело возвышающие свой голос для того, чтобы признать неизбежность гибели загнивающего капиталистического мира и приветствовать новый мир социализма. Таковы, например, последние выступления Андрэ Жида, заявляющего о своем сочувствии СССР. Это — исторические знамения.

Широкое, стремительно развивающееся движение мы имеем среди мелкобуржуазных литераторов в странах капитализма — лучшие писатели переходят на сторону рабочего класса, порывая с мещанскими иллюзиями относительно капитализма. Этот процесс наряду с выступлением пролетарских писателей представляет знаменательное выражение революционного подъема. Литературе империалистического варварства, подготовляющей новую империалистическую бойню, противостоит литература, борющаяся за революционный выход из кризиса.

О романах Анри Барбюса «В огне» и «Свет», свидетельствовавших о переходе на сторону рабочего класса передовых слоев мелкой буржуазии в годы империалистического кризиса, Ленин писал: «Перерожденные, но миролюбивые люди труда и сторонники трудящихся добре понимают теперь, после войны, неизбежность революции, гражданской войны и диктатуры пролетариата. Одним из особенно наглядных подтверждений подобного наблюдаемого массового явления роста революционного сознания в массах можно признать романы Анри Барбюса («LE FEU») «В огне» и «CLARTE» «Ясность»... Превращение совершенно невежественного, целиком подавленного идеями и предрассудками обывателя в массовика, в революционера, именно под влиянием войны, показано необычайно сильно, талантливо, правдиво».

В другом месте Ленин приводит произведения Барбюса как яркое доказательство того, что «крах капитализма неизбежен» и «революционное сознание масс растет везде».

В наши дни развертывается в странах капитализма широкое литературное движение, к которому романы Барбюса были лишь вступлением. Вместе со всеобщим кризисом капитализма, с полным развалом капиталистической стабилизации, вместе с новым подъемом революционной борьбы пролетариата получает невиданный размах литература, свидетельствующая о том, что на борьбу за революционный выход из кризиса пролетариат увлекает за собой широчайшие массы.

Во всех странах капитализма мы имеем глубокое и бурное движение писателей, преодолевающих «косность, рутину, переменчивость, колебания мелкой буржуазии», переходящих на сторону рабочего класса. Крупнейших представителей этого движения мы находим в рядах амстердамского антивоенного конгресса — Драйзер, Роллан, Андерсон. За этим литературным движением стоят глубокие социальные процессы.

2.

Ромэн Роллан приходит к нам с критикой мелкобуржуазной «свободы» и «независимости», которые раньше составляли основу его мировосприятия. Он объявляет войну гуманизму, в плену которого он долго оставался. Он смело разрушает эту мещанскую иллюзию. Он понял теперь, что гуманизм представляет усовершенствованное тонкое оружие защиты капитализма.

Роллан «прощается» со своим прошлым, разрывая с мелкобуржуазными предрассудками относительно капитализма.

Теперь Роллан становится «в ряды СССР», заявляет о необходимости «учиться у Ленина». Он усваивает теперь великие уроки борьбы пролетариата. Он видит, что нет другого пути, ведущего к низвержению капитализма, кроме пути рабочего класса, пути революции.

Шервуд Андерсон говорил в Амстердаме о гегемонии рабочего класса, о том, что, только идя с рабочим классом, можно победить капитализм. Надо взвесить все значение этих знаменательных слов в устах писателя мелкобуржуазного. Это — показатель огромного сдвига в росте революционного сознания. Это — вывод, свидетельствующий о гигантском обострении классовых противоречий.

Гегемония рабочего класса в революции понята теперь Ролланом. Все его последние выступления пропитаны этим убеждением.

Разрыв Роллана с прошлым, с мелкобуржуазными предрассудками относительно капитализма представляет выражение глубочайших сдвигов, происходящих в массах. В этом — величие, пафос, сила последних выступлений Роллана.

3.

В Америке пришел к рабочему классу Драйзер. С замечательной смелостью, с глубиной, свидетельствующей о том, что самые основы капиталистического мира поколеблены, Драйзер пересматривает свое отношение к капитализму.

Вдохновенные страницы книги Драйзера посвящены разоблачению буржуазной цивилизации. Понимая до конца значение того, что культура есть оружие в руках эксплоататорского класса, что вместе с буржуазией гибнет и культура, Драйзер приходит к решающему выводу: «Капитализм обанкротился в современной Америке».

Разоблачив банкротство капитализма, признав необходимость его гибели, Драйзер с величайшей нежностью говорит об СССР, стране социализма. Этот вывод пронизывает все последние выступления Драйзера, свидетельствуя, какую гигантскую роль играет наша страна в пробуждении революционного сознания масс в борьбе за революционный выход из кризиса.

Это означает решающую ломку в представлениях мелкобуржуазного идеолога, говорит об огромном росте революционного сознания.

Книга «Говорят горняки Харлана», выпущенная Драйзером совместно с Дос Пассосом, Мари Воре и Коганом в результате специальной поездки возглавляемого Драйзером комитета писателей в район забастовки угольщиков Харлана, представляет собрание потрясающих документов о голоде и обнищании рабочего класса Америки, о зверствах белого фашистского террора против бастующих рабочих. Книга разоблачает разнузданную диктатуру буржуазии.

Это — документ разрыва с капитализмом. Это выражение того, что авторитет рабочего класса имеет решающее значение для вступающих на новый путь мелкобуржуазных литераторов. Это понимание того, что, только идя за рабочим классом, учась у него, можно решить задачу борьбы с капитализмом.

Драйзер, Андерсон, Дос Пассос, Мери Воре, Гаррисон — это мировое движение мелкобуржуазных литераторов, порывающих с капитализмом, говорит нам, насколько потрясен кризисом капитализм в Америке.

4.

Германия представляет одно из наиболее слабых звеньев империалистической цепи. В Германии особенно обострены противоречия в связи с кризисом капитализма. Успехи коммунистической партии на последних выборах, 5 с половиной миллионов голосов, поданных за коммунистов, свидетельствуют о том, что явления классовых противоречий, размеры революционной борьбы рабочего класса достигают здесь огромного напряжения. Кризис капитализма в Германии, обнищание, голод и безработица достигают исключительных размеров.

Процесс освобождения от мелкобуржуазной «рутины, косности, нерешительности, колебаний» в массах быстро идет вперед. О глубоких классовых сдвигах говорит широкое движение порывающих с капитализмом мелкобуржуазных писателей в Германии. Здесь в каждом литературном произведении еще в большей степени, чем у Драйзера, Роллана, ощущается близкое дыхание революции. Это придает самому переходу на революционный путь особенно бурный, стремительный характер. Это придает освобождению от мелкобуржуазной косности особую страстность, борьбе с прошлым — особую силу. Внимание порывающих с капитализмом писателей Германии приковано к основному вопросу — о месте мелкой буржуазии в революции.

Эрнст Глезер, представляющий одну из наиболее ярких фигур этого движения в Германии, в романе «Мир» рассматривает историю спартаковского движения. Он берет эту огромную тему для того, чтобы решить основной животрепещущий вопрос о роли мелкой буржуазии в революции. Роман «Мир» представляет произведение, пронизанное сочувствием к героической борьбе рабочего класса, проникнутое уверенностью в том, что пролетариат есть единственная сила, борющаяся за обновление мира.

Глезер беспощадно разоблачает в своем романе мелкобуржуазный предрассудок «нейтралитета». Его роман убедительно показывает, что в классовой борьбе нельзя быть вне присоединения мелкой буржуазии к одной из решающих сил — пролетариату или буржуазии. Нельзя оставаться «в стороне от схватки».

Глезер убедительно показывает два пути, лежащие перед мелкой буржуазией в борьбе между капитализмом и революцией. Он разоблачает людей, ставших на путь поддержки капитализма. Гневом насыщены страницы романа, обращенные в эту сторону. Глезер замечательно показывает величие подымающихся до участия в пролетарской революции представителей мелкой буржуазии. Это и составляет основной узел его прекрасного романа. Роман Глезера, доказывающий необходимость для мелкобуржуазных масс идти за рабочим классом, представляет замечательный документ роста революционного сознания.

В своих последних произведениях («Высшая мера», «Мать» (по Горькому)) Берт Брехт, другой видный литератор, порвавший с капитализмом, делает попытку изобразить пути революции, показать героизм борьбы рабочего класса.

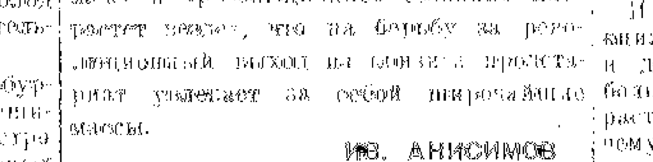
Эти знаменательные произведения, показывающие, что мелкобуржуазные литераторы преодолевают предрассудки своего прошлого, порывают с гуманистами, гуманизмом, признают необходимость революционной борьбы с капитализмом, раскрывают глубокие сдвиги в сознании масс. Они убедительно говорят о приближении развернутых классовых боев.

Достигая в Германии наибольшего размаха, закономерное в связи со всем развитием капитализма движение перехода мелкобуржуазных писателей на сторону рабочего класса имеет международный характер. Во всех странах капитализма, идущего к своему краху, развертывается этот процесс. Мы наблюдаем его на всем протяжении послевоенного кризиса. За последние годы в обстановке углубляющегося общего кризиса, обострения и обнажения всех противоречий капитализма, когда империализм развертывает бешеную подготовку к новой войне, к интервенции против СССР, надеясь найти в этом свое «спасение», это движение получает все более мощное развитие, свидетельствующее о гигантской остроте назревающих противоречий, о том, что революционная борьба международного пролетариата поднимается на новую ступень.

Это литературное движение показывает, что «крах капитализма неизбежен» и «революционное сознание масс растет везде», что на борьбу за революционный выход из кризиса пролетариат увлекает за собой широчайшие массы.

ИВ. АНИСИМОВ

Ник. Асеев



Непогода моя жестокая,
Не прекращайся, шуми,
Хлопай тентами и окнами,
Парусами, дверьми.

Непогода моя осенняя,
Налети, беспорядок чини,
В этом шуме и есть спасение
От осенней густой тишины.

Непогода моя душевная —
От волны на волну прыжки —
Пусть грозит кораблю крушение,
Хорошо ему и свежо.

Пусть летит он, врезая бока свои
В ледяную тучную пыль,
Пусть повертывается, показывая
То корму, то бушприт, то киль.

Если гибнуть — то всеми мечтами,
Всем, что песня в пути дала,
Разметав, как снасти, все начатые
И неконченные дела.

Чтоб наморщилась гладь трясинами,
Чтобы путь кипел добела,
Непогода моя любимая,
Чтоб трепало вкось вымпела.

Пусть грозит кораблю крушение,
Он осилил крутой прыжок.
Непогода моя душевная,
Хорошо ему и свежо.

Трибуна писателя

Управдом или ДАРВИН

О ДЕТСКОЙ КНИГЕ

1

Больные ребята изнывали от зноя и скуки. Их было пятьдесят человек. Они бузили и хныкали. Какая-то растрепанная женщина кудахтала над ними по-куриному, но не могла их унять.

Я пришел издалека и, чтобы обрадовать их, начал читать им «Мюнхаузена».

Через две минуты они уже ржали от счастья.

Слушая их блаженное ржание, я впервые по-настоящему понял, какое благодатное лакомство для десятилетних людей эта веселая книга и насколько тусклее была бы детская жизнь, если бы этой книги не существовало на свете.

С чувством нежнейшей благодарности к автору я читал, под хохот ребят, и про топорик, залетевший на луну, и про путешествие верхом на ядре, и про отрезанные лошадиные ноги, которые паслись на лугу, и, когда я на минуту останавливался, ребята кричали: «Дальше!», так как им нестерпимо было думать, что эта радость когда-нибудь кончится.

Но вот подбегает ко мне эта растрепанная, и на шее у нее красные пятна:

— Что вы! Что вы! Ну как это можно! Да мы никогда, ни за что!

И хватает у меня из рук мою бедную книжку, и глядит на нее, как на жабу, и двумя пальцами уносит куда-то, а больные дети ревут от обиды, а я иду растерянно за нею, и руки у меня почему-то дрожат.

Тут возникает какой-то молодой в тюбетейке, и оба говорят со мной так, будто я пойманный контрабандист-самогонщик:

— Какое же вы имеете право читать нашим детям такую сумасшедшую чушь!

И объясняют мне учительным голосом, что в книгах для советских ребят должны быть не фантазии, не сказки, а самые подлинные реальные факты.

— Но позвольте! — кричу я запальчиво. — Ведь именно при помощи своих фантазий и сказок эта книга утверждает ребят в реализме. Самый хохот, с которым встречают они каждую авантюру Мюнхаузена, свидетельствует, что его ложь им ясна. Они именно потому и хохочут, что всякий раз противопоставляют его измышлениям — реальность. Тут их боевой поединок с Мюнхаузеном, из которого они неизменно выходят всякий раз победителями. Это-то и радует их больше всего. Это повышает их самооценку. «Ага, ты хотел нас надуть, не на таковских напал!». Тут азарт, тут борьба, тут полемика, и их оружие в этой борьбе — реализм. Подите, спросите ребят, поверили ли они хоть одному слову Мюнхаузена, да они рассмеются вам прямо в лицо. Никакая сказка, никакая фантастика им уже давно не страшна, потому что в мире еще не бывало таких закоренелых реалистов, как нынешние советские дети, особенно дети рабочих, столь богато насыщенные жизненным опытом! И вы жестоко оскорбляете их своей дикой боязнью, как бы их не одурачили небылицы Мюнхаузена! Право, они не так слабоумны, как думаете вы, педагоги. Это ли не издевательство над десятилетним гражданином советской страны — считать его таким идиотом, который может и впрямь поверить, что топоры залетают на луну!

Глаза у педагогов были каменные. Но я уже не мог замолчать.

— Или вы боитесь, как бы эти буфонады Мюнхаузена не расшатали в ваших детях чувство юмора? Разве юмор — такая опасная вещь? Неужели вы не замечали, что у здоровых ребят есть неистребимая потребность смеяться? Почему же вы не утоляете этой потребности? Почему всякая веселая книга внушает вам такое отвращение, словно вы — гробовщики или плакальщики? Почему вы предпочитаете ей угрюмую и мрачную халтуру? Или вы во что бы то ни стало хотите отвадить ребят от чтения и внушить им лютую ненависть к книге? Вы этого добьетесь, ручаюсь вам, потому что вы на верном пути!

Я ждал возражений и споров, но эти милые люди были из породы недумающих и даже как будто обиделись, что я принуждаю их самостоятельно мыслить. Только один из них, высоколобый и важный, насупился и буркнул:

— Чуковщина!

И на этом наша дискуссия кончилась. Ребята были спасены от «Мюнхаузена»... Я повалил на плечи свою дорожную сумку и вышел на горячее солнце.

2

В сумке у меня были любимые: «Гулливер», «Сказки Гриммов», «Конек-Горбунок». Я хотел подарить эти книги ребятам, но высоколобый перечитал их небрежно и отодвинул от себя, как негодную дрянь.

— Это нам ни к чему, — сказал он. — Вот если бы о дизелях или радио.

Шагая вдоль берега по каменистой тропе, я думал о том, что случилось.

— Почему эти мудрецы, — думал я, — так уверены, что радио и «Конек-Горбунок» — несовместимы? Почему они думают, что если младенцу, например, прочитать «Конька-Горбунка», он непременно отвратится от всякой механики и до старости лет будет бредить Жар-птицами да чудами-юдами? Откуда взялся у них этот тупой ультиматум: либо сказка, либо динамомашина? Как будто для того, чтобы выдумать динамомашину, не понадобилось самой пламенной, самой буйной фантазии! Фантазия есть ценнейшее качество человеческой психики, и ее нужно тщательно воспитывать с самого раннего детства, — как воспитывают музыкальное чутье, — а не топтать сапогами. Поколение, которое воспиталось без сказок, в котором целым рядом искусственных мер с детства выправлена способность воображать и мечтать, создаст очень хороших управдомов, но ни Дарвинов, ни Фарадеев не создаст. Дарвин в детстве был такой фантазер, что все считали его лгунишкой не хуже Мюнхаузена.

Тут я вспомнил, как, живя в Англии, я не раз изумлялся, почему это в той самой социальной среде, которая выдвинула гениальных механиков, естествоиспытателей, физиков и в течение последних лет создала культ эксперимента и факта, процветают самые пылкие и озорные для детских ребят, тысячи волшебных неосуществимо фантастических стихов и сказок, которые прославляют собою все течение будущих фантазеров, биологов, механиков, химиков. Не было из них ни одного, который не прошел бы через эту полезнейшую гимнастику творческой мысли... И недаром автор «Алисы в чудесной стране» был профессор высшей математики...

Все эти доводы показались мне столь соблазнительными, что мне захотелось сейчас же вернуться и доказать тому высоколобому, что он непоправимо калечит ребят, изгоняя из их обихода «Мюнхаузена».

На следующий день спозаранку я уже был у него и изложил ему все эти мысли, а потом в заключение достал из своей сумки одну старую книжку и прочитал оттуда такие слова:

«Будем развивать природную фантазию или по крайней мере не будем мешать ей свободно развиваться. Для маленьких ребят очень важно в этом отношении чтение волшебных сказок. Теперь нередко можно встретить родителей, восставших против сказок. Они не дают их детям, стремясь воспитать трезвых дельных людей. Я всегда предсказывал таким родителям, что из их детей не выйдут ни математики, ни изобретатели».

Высоколобый слушал, поджав губы.

— А знаете ли вы, кто это пишет? — спросил я его с торжеством. — Это пишет не какой-нибудь поэт или сказочник, а профессор прикладной механики, автор книг «Основания статики» и «Курс сопротивления материалов», воспитавший целые фаланги выдающихся русских ученых. К концу жизни, на основании многолетнего педагогического и научного опыта, он пришел к убеждению, что сказка есть его союзник, а не враг, что инженер, который в детстве не был воспитан на сказке, почти не способен к инженерному творчеству. Профессор этот, всем известный: Кирпичев, вы, должно быть, слыхали, еще бы!.. Статья его так и называется: «Значение фантазии для инженеров». Прочтите ее и вы сами увидите, что сказка не только не мешает техническому воспитанию ребят, а, напротив, помогает и содействует [1].

Но высоколобый величаво отстранил от себя мою книгу.

— Не хотите читать? — спросил я. — Почему же?

Он нахмурил брови и веско сказал:

— Потому что я сегодня выходной.

3

Конечно, было бы безумием пичкать ребят одними волшебными сказками. Тут нужна дозировка — и самая строгая. В моей сумке рядом с Андерсеном лежала «Занимательная физика», рядом с Гайдаром — «Рассказ о великом плане». Этот «Рассказ» я тому лету весь проработал в клочки, потому что я читал его изо дня в день всевозможным детским колониям и сборищам... Но все ли, кто хвалит этот чудесный «Рассказ», понимают достаточно ясно, что его очарование именно в том, что он по своему стилю, по своей композиции, по тону своего изложения приближается к сказке.

Эту книгу писал человек, прошедший в свое время через сказку и бессознательно впитавший в себя ее живые формы. О пятилетке написано множество книг для детей, но все они наряду с его книгой кажутся бездарными и мертвыми именно потому, что они — сочинены. С самого раннего детства в его психику внедрились и Пушкин, и Гофман, и русские народные сказки, и Гулливер, и былины. Оттого-то ему так удалось передать всю сказочную поэтичность и заманчивость нашего великого плана.

КОРНЕЙ ЧУКОВСКИЙ

[1] См. «Известия Киевского политехнического института» (1903 г.). Я случайно натолкнулся на эту статью и несколько лет назад читал о ней доклад в Ленинграде.

Г. Лебедев

В защиту практики

Тов. Селивановский в своей статье, посвященной разбору романа Ильенкова «Ведущая ось» («Октябрь», № 4 за 1932 год), затрагивает некоторые далеко не безынтересные и немаловажные для пролетарской литературы вопросы. Они заслуживали того, чтобы на них остановиться очень внимательно, тем более, что решение их дается т. Селивановским неверное.

Первый из этих вопросов — вопрос о роли практики в творчестве писателя и в формировании его мировоззрения.

Тов. Селивановский приводит одно утверждение писателя Панферова, которое он потом критикует очень оригинально. Мы выписываем это панферовское высказывание по статье Селивановского. Вот оно:

«Мы зовем писателей прощупывать жизнь собственными руками. Некоторые же товарищи утверждают, что такая постановка есть постановка эмпирики. Это чепуха. Вот что говорит т. Сталин: «Теория есть опыт рабочего движения всех стран, взятый в его общем виде. Конечно, теория становится беспредметной, если она не связывается с революционной практикой, точно так же, как практика становится слепой, если она не освещает себе дорогу революционной теорией. Но теория может превратиться в величайшую силу рабочего движения, если она [illegible] только она, может дать движению уверенность, силу ориентировки и понимание внутренней связи окружающих событий». Вот что говорит т. Сталин. К этому мы зовем писателей, когда говорим, что жизнь надо прощупать собственными руками. Что это значит? Это значит то, о чем ты пишешь, тебе надо тщательно изучить со всех сторон. Тебе надо изучать науку [illegible] действительность [illegible] теорией, проверить, выверить теорию практикой, опытом жизни».

Вот это утверждение. Как видим, оно досадно подробно и в общем довольно ясно раскрывает смысл того, что хотел Панферов сказать своим приглашением «прощупать жизнь собственными руками». Это приглашение писателям не ограничиваться только теорией, а быть поближе к жизни, познавать ее, изучать ее, проверять теорию практикой и по возможности непосредственно участвовать в ней самому.

Селивановский [illegible] это утверждение, он пишет:

«[illegible] Панферов, оперируя правильными общими формулами, сводит опыт к непосредственному прощупыванию жизни собственными руками, он ограничивает (по крайней мере для писателей) понятие практики понятием непосредственного эмпирического опыта». И несколько ниже снова: «Теория Панферова, подробно развитая им в последнее время о прощупывании жизни своими руками, насквозь эмпирична, и как таковая она не может не мешать борьбе за расширение и углубление тематики нашей литературы, за объективное познание пролетарским писателем всего многообразия действительности, за углубление [illegible] последней» (подчеркнуто нами).

Оказывается, согласно Селивановскому, изучение жизни, прощупывание ее собственными руками, участие в практике «мешает» и даже прямо «не может не мешать». Чему же мешает? Расширению тематики (чем дальше от практики, тем шире тематика), объективному познанию действительности (а говорят еще «практика — критерий истины»). Если б собственными глазами нельзя было убедиться, трудно было бы поверить, что Селивановский способен написать что-либо подобное. Какая восхитительная логика и новая теория познания! И какие превосходные приемы! Вопреки смыслу цитаты заявить, что Панферов сводит все к непосредственному опыту. Затем и критику объявить теорию насквозь эмпиричной, а «как таковая» она уж, конечно, мешает. И поскорее, чтоб не утруждать читателя доказательствами, поставить точку.

Если бы Панферов или кто-либо другой просто сказал: «Прощупывайте жизнь собственными руками, и больше ничего от вас не требую», тогда Селивановский имел бы основание для упреков в односторонности и, следовательно, неправильном понимании дела. Как мы видели в приведенной цитате, дело не ограничивается этой эмпирической фразой. Но даже если бы было так, и тогда, желая остаться правдивым, не желая погрешить против истины, Селивановский все же должен был бы сказать, что при прочих равных условиях, т. е. при условии, что писатель умеет правильно смотреть на вещи, руководится верной идеей и обладает художественным талантом, непосредственный жизненный опыт, практика, если хотите, «прощупывание жизни собственными руками» дает уж никак не меньше, а больше, и очень значительно даже писателю.

А вот т. Селивановский не имел бы никакого права так третировать «непосредственную практику», как он это делает. Чтобы писать такую книгу, нужно [illegible] точно хоть немного знать литературу. Непосредственное знание жизни и непосредственное наблюдение оказало крупнейшее влияние на творчество такого гиганта литературы, как Горький. То же самое Мариэтта Шагинян, например, совершенно справедливо утверждает в своей статье относительно Гете. То же самое может на своем опыте подтвердить каждый современный писатель. И критик, претендующий на право чему-нибудь научить писателя, критик, живущий в условиях, когда проблемы ставятся ни в каких книгах не описанные, когда практика каждый день ставит перед нами крупнейшие проблемы и сама же дает способы их решения, ни в каком случае не имел права обходить этого вопроса.

Другое дело, что только одного непосредственного опыта недостаточно. Писателю требуется еще и теория и творческий талант. Но без непосредственного знания жизни и участия в ней всякая теория рискует превратиться в мертвую догму и всякий талант почти наверняка обречен на прозябание.

Однако это еще не все. Мы рассмотрели вопрос о практике и собственном опыте только с той стороны, с какой они оказывают влияние на более или менее сложившегося писателя. Другая сторона вопроса гораздо более существенна. Перед нами, несомненно, стоит задача воспитания и перевоспитания писателя. Величайшую важность этой задачи для настоящего момента, конечно, никому не придет в голову оспаривать. Коротко говоря эту задачу можно формулировать как задачу воспитания из писателей коммунистов, задачу выработать у них коммунистическое мировоззрение. Процесс этот многообразный. У различных групп писателей он проходит и будет проходить несколько своеобразно. В одних случаях он будет более простым, прямым и коротким. В других — более длительным, сложным и обходным. Писать здесь общие, годные обязательные формулы было бы высшей нелепостью. Как же, однако, складывается мировоззрение? Как воспитываются коммунисты? Не играет ли здесь какой-нибудь решающей роли третируемая Селивановским практика и «непосредственный опыт»? Совершенно непонятно, почему эти соображения не пришли в голову т. Селивановскому [illegible].

Ответ на вопрос о том, как воспитываются коммунисты, каковы единственно правильные пути коммунистического воспитания, — дал на этот вопрос с исчерпывающей глубиной и предельной ясностью т. Ленин в своей речи на III съезде РКСМ. Очень полезно присмотреться к этому ответу тем, кто пытается судить о практике, эмпиризме и прочих вещах. Ленин, как известно, ставит там вопрос, чему и как должна учиться молодежь, чтобы стать коммунистами. И вот ответ:

«Поэтому простое книжное усвоение того, что говорится в книгах о коммунизме, было бы в высшей степени неправильным. Теперь в наших речах и статьях нет простого повторения того, что говорилось раньше о коммунизме, так как наши речи и статьи связаны с повседневной и всесторонней работой. Без работы, без борьбы книжное знание коммунизма из коммунистических брошюр и произведений ровно ничего не стоит, так как оно продолжало бы старый разрыв между теорией и практикой, тот старый разрыв, который составлял самую отвратительную черту старого буржуазного общества» (Ленин, т. XXV, стр. 385 и 386).

Владимир Ильич на протяжении речи неоднократно подчеркивает эту мысль. Подходя к вопросу о том, как будет складываться новое общество, как создается общий труд, он снова возвращается к ней:

«Тут не старая книжка, [illegible] не поверит. Тут собственный жизненный опыт. Когда Колчак с Деникиным шли из Сибири и юга, крестьяне были на их стороне. Большевизм им не нравился [illegible] (там же, стр. 395, подчеркнуто нами).

Кажется, яснее ясного. Подобные цитаты, даже из одной указанной выше речи, можно было бы во много раз увеличить. Владимир Ильич всегда и неизменно проводит мысль о решающей роли практической деятельности и собственного опыта в деле воспитания коммунистов, в деле выработки коммунистического мировоззрения. Он тысячу раз подчеркивал, что [illegible] со старыми книжками, только на собственном опыте и что без него [illegible].

Но т. Селивановский, очевидно, в пылу полемики забыл эту «мелочь» в учении Ленина или решил, что она в литературе не применима. У него своя теория, согласно которой собственный опыт «мешает».

Нельзя, конечно, запретить Селивановскому выбирать себе любую теорию и как угодно третировать практику и непосредственный опыт. Мы должны только [illegible] вое фыркание на практику, попытка третировать ее как эмпиризм, не имеет ничего общего с марксистско-ленинской диалектикой, отражая влияние деборинской школы. Подобные теории могут порождать только путаницу среди писателей, уводить их с единственно правильного пути перестройки и овладения марксистским мировоззрением.

Теперь понятно, почему тт. Селивановский, Авербах, Ермилов и др. наговорили столько бесплодной и вредной схоластики по вопросу о мировоззрении и методе и о путях перестройки писателей. Причина в том, что ленинского учения о роли практики, о взаимоотношении теории с практикой они даже сколько-нибудь удовлетворительно не поняли.

Вторым вопросом, заслуживающим внимания, является вопрос об эмпиризме. Тов. Селивановский не первый ставит его в современной критике. Но т. Селивановский интересен тем, что он с чрезвычайной откровенностью продемонстрировал, что такое метод навешивания ярлыков, соединенный с полнейшей теоретической беспомощностью. Селивановский утверждает в известной статье, что перед пролетарской литературой всегда стояли и стоят три опасности: буржуазного реставраторства, левацкого культурфронтства и... эмпиризма. О том, почему только три и почему все-таки, Селивановский, конечно, ни слова. Но оставим пока это в стороне. Интересно другое. Эмпиризм поставлен в одну линию с такими явлениями, как буржуазное реставраторство и мелкобуржуазное «левое» культурфронтовство. Больше того. Делается намек, что эмпиризм то ли может стать, то ли является сейчас первоочередной опасностью (буржуазное реставраторство, конечно, является главной опасностью, но главность не есть первоочередность — формулирует Селивановский). Законен вопрос, во-первых, в чем состоит эмпиризм в литературе, а во-вторых, в чем его корни, откуда он вырастает. На второй вопрос в статье вообще нет ответа, а на первый дается вот какой ответ:

«Тенденции эмпиризма проявляются в недостаточном художественном осмыслении [illegible]» (подчеркнуто нами).

Легко заметить, что под это определение подходит каждый недостаточно квалифицированный писатель. Недаром в определении три раза повторяется слово «неумение». Но причем тут эмпиризм? Если всякое «неумение» причислять [illegible] мы далеко уйдем. Тт. Селивановский, Авербах и другие вообще до крайности в этом отношении неразборчивы. У них за последнее время почти нет применительно к писателям таких слов, как неумение владеть словом, [illegible] «На литпосту» и «Ростс» уже совсем изгнали из своей практики критики такие слова, как плохое знание жизни, слабость художественной формы и т. д. Вместо них есть эмпиризм, «недостаточный уровень мировоззрения», механицизм и другие. Это, между прочим, самое откровенное вульгаризаторство.

Эмпиризм не есть просто отказ от обобщений или неумение обобщать. Эмпиризм есть в первую очередь отказ от мировоззрения, от общих руководящих идей при познании, признание истинным только того, что доступно чувственному восприятию. [illegible] Эмпиризм имеет свои социальные корни. А важно, интересно знать, кого имеет «неумение»?

[illegible] определение. Задача его состоит в том, чтобы «изгнать» Ильенкову эмпиризм. Но т. Селивановский знает, что роман [illegible] И т. Селивановский сочиняет новый вид эмпиризма:

«[illegible]».

Итак, пролетарская литература может поздравить себя с новым открытием. [illegible]

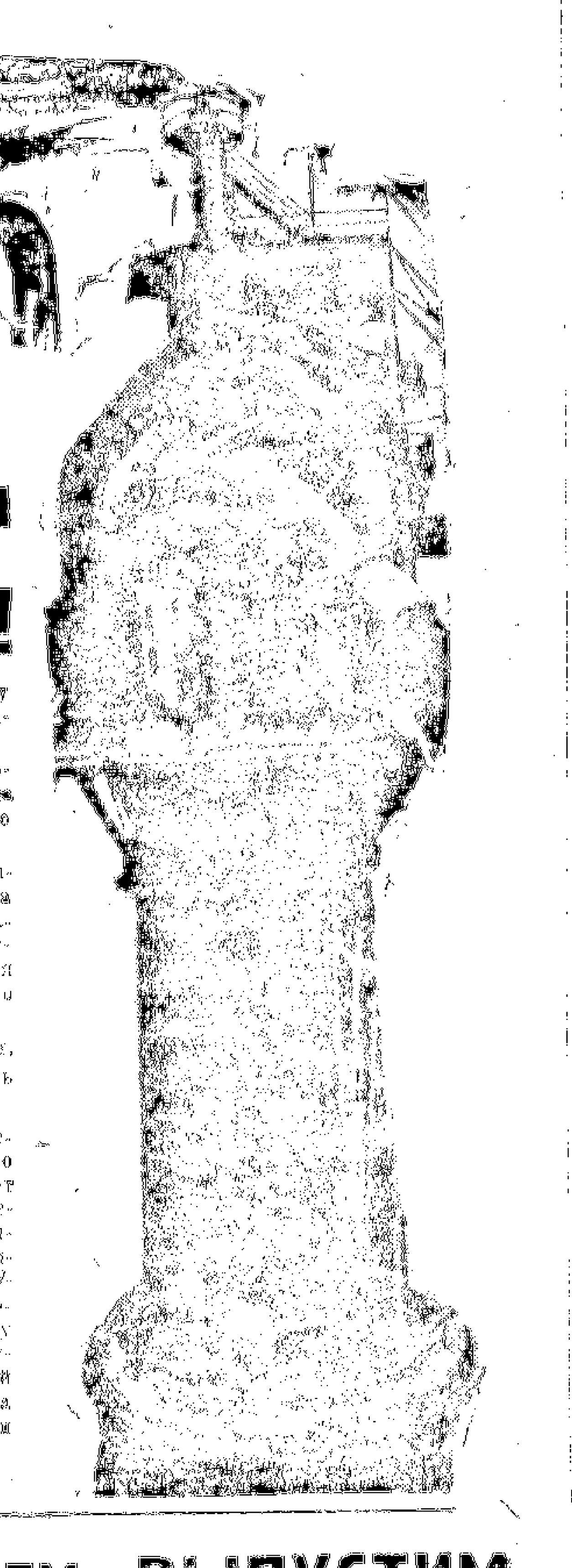
ского рационализма», который тоже «враждебен объективизму». Тоже тенденциозен в том смысле, в каком употребляет этот термин Селивановский и у которого образ точно так же «служит иллюстрацией к общей идее»? Нечего сказать, хорошее умение схватить специфику предмета, хорошее определение, вкладывающее в себя все на свете, [illegible] включающее в себя и эмпиризм и его антипода — рационализм.

Легко себе представить, что получается, когда т. Селивановский с этими теоретическими предпосылками переходит к разбору романа. Роман Ильенкова, в котором автор поставил большую и важную задачу — показать рабочего на фоне сложной заводской обстановки, имеет крупные недостатки и очень нуждается в серьезной внимательной критике. Эти недостатки идут прежде всего по линии художественного оформления. Многие образы романа расплывчаты и схематичны. Есть элементы схематизма. Встречается искусственность и надуманность. Иногда теряет фокус авторского замысла. Стиль неровный и недостаточно самостоятельный. Метафора или сравнение тяжелы или чересчур грубы. Любимые автором фразы — одно из самых слабых мест, о чем справедливо писал Горький в «Правде». Но все это Селивановский совершенно обходит, как будто критикует [illegible], а не роман. Он ищет «тенденциозного эмпиризма» и даже сам не замечает, как в своих требованиях к роману впадает в самый грубый схематизм, который сам же в других статьях критикует. Образ обязательно Селивановскому должен «символизировать идею». Любовь рабочего к машине оказывается стихийной, [illegible] и относится в вину автору как эмпиризм. Либо рабочий должен говорить о машине, как Маркс в первом томе «Капитала», либо у автора плохо с мировоззрением. Если не показано, как вредители получают деньги от бывших хозяев, значит вредители не разоблачены. Не показана связь завода с деревней — значит пролетариат не показан как гегемон революции, как руководитель крестьянства. И вывод простой и ловкий — задача хороша, но автор с ней не справился. Почему? Помешал «эмпиризм» в его мировоззрении. А на самом деле совершенно [illegible], что помешало, так это еще недостаточная, так сказать, писательская подготовка автора.

Таким образом, теоретические блуждания и эклектика [illegible] литературе, [illegible] на совершенно ложный путь критику. Вообще эклектика в теории — [illegible] тт. Селивановского, Авербаха. [illegible]

Урал напоминает

Путь к Магнитостроям литературы будет проложен ЧЕРЕЗ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ УРАЛ



Песня

Строки — не струны,
Но точность настройки,
Как струнам,
И строкам нужна.
Рождается песня
Под ритмику стройки,
Под ритмику песен — страна.

И слово ложится в страницу,
Как в стену.
Словно кирпич к кирпичу.
И песен кипучих
Ударные темы
Ведут реконструкции чувств.

Ты — токарь,
Я — слесарь,
Мы оба — с завода,
И песня наша — завод.
И ритмика мчится
В разбеге приводов,
И рифма к работе зовет.

За руды Урала,
За уголь Кузбасса,
За лучший по качеству кокс.
Мы песней подымем
Энергию класса,
Как молот,
Упругой рукой.

Чтоб ритмом работы,
Чтоб бурей восстанья
Гремели простые слова.
Давайте, ребята,
Такую затянем,
Какую никто не певал!

Н. БЫКОВ

Будем иметь Дом литературы

Одним из важнейших пунктов постановления уральского обкома партии о литературном движении Урала является пункт об **улучшении материально-бытового обслуживания писателей.**

Писатели, живущие в Свердловске и других промышленных центрах Урала, вынуждены работать в крайне неудовлетворительных жилищных условиях. Многие из начинающих талантливых авторов живут далеко за городом, иногда в километрах в 60. В таких условиях вопросы необходимой творческой товарищеской среды, вопросы пользования культурными ценностями, сосредоточенными в городе (библиотека, театры, кино), становятся наболевшими вопросами.

Оргкомитет писателей Урала, исходя из постановления Уралобкома ВКП(б), поставил перед собой задачу — добиться улучшения культурных и материально-бытовых условий жизни писателя. **В Свердловске в скором времени должно быть выделено помещение (занимаемое сейчас редакцией ряда газет) для создания областного Дома литературы. Решено добиться организации специальной писательской библиотеки с необходимым набором пособий и литературы для творческой работы,** так как существующие в Свердловске библиотеки с разрозненными и неполными отделами ни в какой мере удовлетворить писателя не могут.

Большое внимание уделяется созданию необходимых условий для планомерной творческой работы литкружков в целом и литкружковцев в отдельности. Перед профсоюзными организациями предприятий должен быть поставлен вопрос о выделении для литкружков специальных постоянных помещений. Помещения эти должны быть закреплены за литкружками как творческие кабинеты.

СЕМЕНОВ

ДВА передовых

Об этих двух кружках, пользующихся известностью крепких и здоровых единиц, нужно говорить уже по одному тому, что они числятся в активе уральского союза писателей как кружки, **на конкретной повседневной практике которых оргкомитет проверяет и испытывает правильность новых методов работы с начинающими авторами, с ударниками-призывниками.**

Кружок Уралмашиностроя и кружок на Челябинском тракторном заводе, еще недавно влачившие жалкое, целиком беспризорное существование, сегодня выходят на передовую линию борьбы за правильную плодотворную учебу, за преодоление трудностей творческого роста. На Уралмашинострое в литактиве сейчас около 26.000 рабочих. Этот огромный человеческий резервуар, из которого можно черпать большие творческие силы для пролетарской литературы, пока что выделил в литкружок не больше 60 человек. Сравнительно небольшую численность начинающего литературного отряда нельзя, однако, поставить в вину литкружку. Виновато недавнее прошлое, увенчанное печальной славой старого оппортунистического руководства УралАПП.

Ведь не случайно такой индустриальный великан, каким является Уралмашинострой, этот опорный пункт тяжелого машиностроения, до последнего времени **не был отображен ни в одной строке художественной литературы Урала.** Некому было писать, и это «некому» можно целиком объяснить той обстановкой, теми условиями, которые вытекали из кастовой замкнутости, групповщины и оторванности отдельных руководящих работников литературы от конкретной сегодняшней действительности.

Кружок Уралмашиностроя — старый кружок. Но бывали периоды и довольно длительные — когда целую литературную заводскую организацию представлял один человек. Литкружковцы, отпугнутые «мертвым штилем», возвращались к первоначальному «допризывному» состоянию, уходили из кружка с убеждением человека, которому «здесь нечего делать» и для которого литература — «заманчивый, но запрещенный край». Рабочий Набоков, имевший «смелость» не бросать литературной учебы даже в самые безрадостные дни существования кружка (конечно, учебы в меру собственных «единоличных» сил и возможностей), продолжал писать давно начатую историю своей стройки.

Но даже в усилиях этого одного человека, дававших кое-кому повод считать, что кружок на Машинострое существует, руководство повинно не было.

Новая история кружка началась вскоре после апрельского постановления ЦК партии, после того как свердловский литературный центр перестроился в соответствии с указаниями этого постановления. Прошло только несколько месяцев, а кружок машиностроевцев уже насчитывает в своем творческом и учебном балансе статью солидного и достаточно крепкого «прихода». О достижениях кружка, понятно, нельзя говорить, как о достижениях вполне оформившегося законченного организма. Многое еще только в зачаточном состоянии, в стадии исканий, **но уже тот факт, что литкружок выдвинул несколько способных ребят, говорит за то, что со временем он оправдает звание передового.**

Сейчас кружок — на положении опытного участка. Он — лаборатория, где вырабатываются формы и методы работы с литкружковцами. Кружок разбился на цеховые литбригады. Литбригада — в чугунолитейном, литбригада — в модельном, литбригада — в гараже. Общезаводские собрания кружка — это для проработки общих вопросов, для читки и обсуждения лучших произведений. Вся же повседневная работа сосредоточена в цеховых бригадах. Организована постоянная консультация. Для этого выделены специальные товарищи. Кружок начал выпускать литстраницу в районной газете «Сталинец».

Одним из пунктов своего учебного плана машиностроевцы поставили критический разбор творчества Б. Пастернака, который в настоящее время работает на Урале и который уже дал свое согласие лично присутствовать на этом творческом вечере.

В плане организационной работы стоит один чрезвычайно интересный пункт, пункт, указывающий на необходимость организации **производственно-бытовой коммуны литударников.** Этот пункт приобретает тем более важное значение, что многие способные литкружковцы живут в бараках, зачастую в соседстве с пьяным «страданием» под гармонику.

Дни «мертвого штиля» остались позади. Оживление работы прежде всего сказалось на качестве конкретной литературной продукции кружковцев. Кружок, члены которого долгое время были обезличены, уже начинает выдвигать передовиков. Об этом говорят первые отрывки из поэмы **«Война» П. Аникьева.** На это указывают стихи **Н. Никонова («Этажи», «О вечере», «Путь Уракгана», «Разговор с красным партизаном»)** и его поэма **«На трубах».** Это подтверждают произведения **Набокова «Верхотурский тракт»** (начало истории), **«Машина № 19».** В этих произведениях, конечно, еще немало недостатков идейного и художественного порядка.

Успехи литкружка на Уралмашинострое были бы еще более значительными, если бы заводские организации хоть бы немного подбавили свою щедрость на благие пожелания литкружку и хотя бы на немного увеличили деловую помощь. От красивых слов профорганизации кружку лучше не станет. А красивых слов не в меру много. Когда литкружковцы пробуют попросить хотя бы немного денег на насущные нужды, Уралпрофсовет, пожалуй, больше чем сами кружковцы распространяется насчет «исторической значимости» литдвижения, но вместо денег обещает писать в райком. Обещает...

Говорить о литкружке Челябинского тракторного — значит в известной мере повторяться. Менее многочисленный по своему составу (не больше 20 активистов), он все же не уступает своему старшему собрату. **Черепанов, Уланов, Реут**... — это товарищи, уже до некоторой степени выявившие свое творческое лицо, хотя еще и не вышедшие из полосы первых, подчас очень робких, литературных попыток. За сравнительно короткое время челябинцы успели выпустить в заводской многотиражке **«Наш трактор»** пять неплохих литстраниц.

Уральский областной оргкомитет ССП хорошо сделал, что, приступая к работе с литкружками, избрал для начала опорные опытные пункты. Его задача — всемерно поддержать этих двух передовых, ибо успех этих кружков будет успехом всех литкружков Урала.

О—ИЙ.

ЧТО? НИЧЕГО!

— Что вы сделали для литкружка на своем предприятии? Чем вы ему помогали? Определили ли вы его место в системе профсоюзной культработы? Нашел ли хоть какой-нибудь отклик в вашей работе постановление ЦК партии о перестройке литературно-художественных организаций?

Вот вопросы, на которые тщетно ждать конкретного ответа от уральских профорганизаций, начиная с облотделов и кончая фабзавместкомами.

Некоторые признаются откровенно. Признаются даже не без трагичности, щеголяя прямотою.

— Ничего не сделали. Ничем не помогали. Никакого отклика.

При этом никаких угрызений совести не испытывают и честными глазами смотрят вам в лицо. Люди, «коим ведать сим надлежит», в простоте душевной полагают, что они в сущности и не должны по этой части ничего делать. Профорганизация, дескать, сама по себе, литкружки — сам по себе.

Изокружок, драмкружок, музыкальный кружок — это «наше», профсоюзное. А рабочий литкружок... Кто его знает, чей он? Не наш, во всяком случае. Сидят в нем ребята, имеющие пристрастие к писанию, стишки пописывают, очерки тоже, вреда от них не видно, пользу же здесь не знают как — стоит ли с ними возиться?

Такова стародавняя традиция, устоявшаяся и одеревеневшая. К ней на Урале привыкли, как к чему-то само собою разумеющемуся.

Никто из профсоюзных культработников не подумает отрицать того, что на Уралмашинострое растет творческий актив, на ВИЗе неплохо работает литбригада, в Кизеле уже готовятся молодые литературные кадры. Никто этого не отрицает.

Но точно так же никто не отрицает, что профработники не хотят помочь этой работе, этому росту.

Профсоюзы Урала до последнего времени были в стороне от литературного движения. Постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля еще не воспринято облотделами уральских союзов как боевой сигнал. Положение совершенно нетерпимое. Уральские литорганизации требуют от профсоюзов решительного поворота лицом к рабочему литературному кружку. Этот поворот должен быть осуществлен на основании постановлений ЦК, Уралобкома ВКП(б) и письма ВЦСПС культотделам профсоюзов и фабзавместкомам.

В. ЭЛЛИН

ВЫПУСТИЛИ, ВЫПУСКАЕМ, ВЫПУСТИМ

БИБЛИОГРАФИЯ.

1932 год проходит на Урале под знаком значительного творческого подъема уральских писателей. Естественно, этот подъем вызван в первую очередь постановлением ЦК партии о перестройке литературно-художественных организаций — именно за последние месяцы наблюдается особенно большое оживление в творческой работе писателей. Если в прошлом году в Уралгизе вышло 5—6 небольших книжечек, то в нынешнем году их выходит несколько десятков. Причем некоторые из книг выпускают издательства Москвы и Ленинграда. Уральский союз советских писателей насчитывает несколько книг, уже выпущенных из печати: Харитонова — «Сквозь тайгу», Балина — «Декада», Добычина — «Удачливые рассказы», Морозова, Макарова, Куштума, Колосницына, Ручьева, Попова и др.

На Урале подготовляется ряд литературных произведений ударников. В Магнитогорске выходит литературно-художественный журнал, в Златоусте — «Литературный листок», в Свердловске печатается толстый литературно-художественный журнал «Штурм» и [illegible] литературная газета «За Магнитострой литературы». Скоро будет регулярно выходить (один раз в 3 месяца) литературный альманах.

На сегодняшний день в Свердловске (Уралгизе) вышли из печати отдельными изданиями произведения целого ряда уральских писателей. Вот их перечень:

Н. Харитонов — «Сквозь тайгу». Очерк. 3 печ. листов. Тир. 7.000 экз. Очерки посвящены [illegible] строительству в области: Магнитогорску, Березникам, Тагилу, Кизелу.

Морозов-Уральский — «Орденоносцы Магнитогорья». Очерки. 3 печ. листа. Тир. 10.000 экз. В очерках показан рост Магнитного совхоза.

С. Балин — «Декада». Рассказы. 6 печат. листов. Тир. 5.000 экз. В рассказах Балина показана классовая борьба на заводе. В очерках [illegible] рабочие [illegible] строительного завода выполняют срочный заказ для Магнитогорска.

С. Колосницын — «Очерк об электростали». 3 печ. листа. Тир. 5.000 экз. Тема очерков — борьба рабочих завода за овладение техникой [illegible].

С. Гарин — «Тигаих в тайге». Очерк. Тир. 5.000 экз. В книге описывается строительство и пуск Уральского медеплавильного комбината. Очерк иллюстрирован.

«На магистрали социализма». Сборник очерков, выпущенный бригадой уральской областной газеты «На смену». Тир. 5.000 экз. В сборнике освещена роль комсомола в строительстве Большого Урала.

Находятся в производстве и скоро выйдут из печати:

Савин — «Дружки с рабочей окраины». Повесть. В повести показано перерождение [illegible] в активного и сознательного участника социалистического строительства.

Ивенин — «Румянцева». Повесть. Посвящена быту и учебе Красной армии.

«Колхозные огни» — сборник. 12 печ. листов. В сборнике показана борьба за коллективизацию на Урале. Участвует около 25 авторов. Среди них несколько молодых [illegible] в литературу.

«Стройка» — сборник. 10 печ. листов.

В. Макаров — «Песни соревнования». Стихи.

Заточный — «Железная». Очерк, показывающий борьбу рабочих Камского затона за подготовку водного транспорта к навигации.

С. Колосницын — «Тэм». Рассказ.

«Горячие дни». Сборник. Состоит из произведений златоустовских писателей. Тематический диапазон в сборнике сделан на отображении героической борьбы златоустовцев за превращение своего завода в стальную базу Уралкузбасса. Сборник — юбилейный. Выходит к XV годовщине Октября.

И. Куштум — «Бой». Стихи.

Карпов — «В корабельном лесу». Очерки.

Ивенин — «Две системы». Поэма.

«Магнитострой». Сборник. 10 печ. листов. Сборник выходит к XV годовщине Октября. Написан [illegible] писателями-призывниками в литературу (Ручьев, Хорунжий, Люгарин и др.).

А. Шарипов — «Великий путь». Поэма.

[illegible]

Наш возраст 5237 лет, а производственный стаж — 3117

Надеждинск вышел в ряды передовых по созданию истории завода. В Свердловске уже получены четыре из шести глав «Истории». Работа близится к концу. И поделиться сейчас положительным опытом.

В декабре прошлого года бюро Надеждинского райкома ВКП(б) утвердило состав подготовительной комиссии. В нее вошло 7 человек — рабочие, партработники, хозяйственники и журналисты.

Дело с первых же шагов было поставлено хорошо. Заводоуправление ассигновало 5000 рублей. Комиссия смогла пригласить технического работника, машинистку, оплачивать нештатного работника, организовать массовую работу, закупить литературу.

Удалось найти стариков-рабочих, живущих в Надеждинске не первый десяток лет. Их находили путем опроса, по спискам страхкассы, через бюро красногвардейцев и партизан. Многие рабочие приходили в комиссию сами. Начался сбор материала, рабочие-старожилы охотно рассказывали для записи, и таким образом комиссия получила воспоминания трех-четырех десятков человек. После информации в «Правде» и «Уральском рабочем» стали приходить письма от старых надеждинцев из Севастополя, Москвы, Белорецка, Невьянска. Одновременно использовались архивы заводоуправления, завкома, райкома ВКП(б), советских учреждений, истпарта. Собирали решительно все, что могло помочь в работе: отчеты, приказы, протоколы, заявления, статистические материалы, комплекты газет, книги, справочники, немецкие словари, источники местной печати и многое другое.

31 января был организован банкет старых рабочих. Пришло более 100 стариков с женами, детьми и внучатами. Играли два оркестра. Выступала агитгруппа молодежи. Был ужин, чай, закуски. [illegible] собранных материалов. Тогда же было написано письмо Горькому. Старики писали:

«Сегодня на Надеждинском заводе 100 старейших рабочих собрались на семейный вечер в связи с работой по составлению истории нашего завода. Наш общий возраст — 5237 лет, общий производственный стаж — 3117 лет. Самому старшему из нас 80 лет. 36 человек имеют возраст свыше 60 лет. Многие из нас пришли сюда, на Северный Урал, в конце прошлого столетия, когда на месте завода были лес и болото. Тысячи людей жили в землянках, тысячи умирали от пыток, эпидемий, недоедания. Большую часть мы прожили в обстановке капиталистического угнетения, унижения, принижения человеческого достоинства, чудовищной эксплоатации.

Многие из нас дрались с винтовкой в руках на полях революционных битв. Мы помним наших павших в борьбе товарищей, замученных в царских и колчаковских застенках. Мы рады, что многие из собравшихся на сегодняшний вечер продолжают трудиться на заводе на ответственных постах у домен, мартенов, станков, работающих на социализм. Мы все коллективно работаем над составлением истории нашего завода. В эту работу вовлекаются все, начиная с пенсионеров и кончая комсомольцами... Сейчас уже собраны архивные материалы, много воспоминаний и документов — всего свыше 700 листов, перепечатанных на машинке. Теперь мы будем каждую главу книги обсуждать на собраниях, чтобы история Надеждинского завода была действительно коллективным произведением»...

В первой половине февраля бюро райкома партии утвердило творческую бригаду из 19 человек. Перед комиссией встал вопрос о методе и форме. Наиболее приемлемой формой книги была признана форма очерка. Главное действующее лицо — конкретный живой пролетарий, его развитие.

И тогда было сказано так:

— Мы исходим из установки, что книгу нужно в основном сделать руками рабочих. Книгу нужно сделать руками живых свидетелей и участников описываемых событий. А при таком требовании нельзя подобрать участников составления «Истории» по принципу литературного дарования. У нас другой принцип: что ты знаешь о заводе, в каких событиях ты участвовал, каково твое социальное лицо?

Но, принимая такую установку, мы сталкиваемся с трудностями литературного оформления. Поэтому решили делать так: план книги и план глав разрабатывает творческая бригада. Она обсуждает главы. Но литературно оформляет книгу один человек. Этот метод, как мы видим на опыте уже проделанной работы, себя оправдал.

В. ТОМ

На горе Магнитной

УРАЛЬСКОЕ СЕГОДНЯ

❖ Уральский союз советских писателей развертывает работу по дальнейшей перестройке литературно-художественных организаций. Кроме общеуральского оргкомитета в Свердловске, созданы оргкомитеты ССП в Магнитогорске, Златоусте и других промышленных центрах. Ряд райкомов ВКП(б) области вынес специальные решения о работе литературно-художественных организаций. В решениях много внимания уделяется вопросам улучшения культурно-бытовых условий писателей.

❖ Кизеловская шахтерская литорганизация показывает образцы творческой перестройки. По всем низовым литкружкам прорабатываются постановления ЦК ВКП(б) и уралобкома ВКП(б) о перестройке литературно-художественных организаций. К XV годовщине Октября кизеловцы выпускают два сборника на татарском языке.

❖ Советские писатели Урала готовятся к встрече XV годовщины Октября. Тов. **Харитонов, Хорунжий, Быков** и ряд других товарищей пишут сейчас оратории и инсценировки для октябрьских постановок.

❖ В Свердловске организуется дом советского писателя. В доме будут помещаться редакции областного литературного журнала **«Штурм»**, литературной газеты **«За Магнитострой литературы»**, кабинет писателя, библиотека и клуб.

❖ Магнитогорская литературная бригада им. **Горького** занята серьезной творческой учебой. **Сержантов** написал ряд очерков о борьбе магнитогорского комсомола за пуск домен и заканчивает к XV годовщине Октября повесть **«Комсомольский цикл». Павел Хорунжий** работает над поэмой **«Чугун».** Люгарин сдал в печать **«Иная радость». Борис Ручьев** сдал книгу стихов **«Вторая родина».**

❖ Магнитогорский литературный кружок железомонтажного цеха — один из лучших. Литкружок включился в смотр молодежной литературы. Проведен вечер, посвященный творчеству **Безыменского.**

К.

Вл. Соболев

ПОРА ПЛАТИТЬ!

«Мы обещаем конкретную творческую помощь Уралу: театры — выездом на Урал и посылкой режиссерских бригад, писатели, композиторы и художники — созданием монументальных произведений о социалистическом Урале... Один из великих путей к Магнитостроям искусства будет проложен через социалистический Урал».

Магнитогорские домны плавят руду. Турбины челябинской станции рождают энергию, и на ее электрическом огне печи «Ферросплава» делают сталь. Уралмашинострой требует силу подъемных кранов. [illegible] на Вишере тянет из железного рта бесконечную бумажную ленту. Уральский [illegible], Красноуфимский Медьстрой, Березниковский Химстрой, челябинский Тракторострой, соликамский Калийстрой, сухоложский Цементстрой — одни из них [illegible] последние тонны, другие выпускают первые тонны продукции. Мачты электропередач, раскинув длинные руки, несут провода сквозь леса и горы, над суровым величием болот, к заводским котлам новостроек, к электропечам специальных цехов, к потокам вольфрамистой, двухслойной, [illegible], углеродистой, инструментальной стали.

Новый Большой индустриальный Урал — совершившийся факт. Факт реальный настолько же, насколько реальны хотя бы те самые тысячи триста километров новых железных дорог, что были построены за последние два года. Далекие отзвуки прошлого, когда полукрепостнический край хранил **«самые непосредственные остатки дореформенных порядков»** (Ленин), не заглушат грома на берегах Салды, Исети и Чусовой. Урал Демидовых и [illegible] [illegible] — учились.

Уже прочно утвердившаяся формула «угольно-металлургической базы на востоке», естественно, не ограничивается [illegible] Кузнецкого комбината — проблема коренной переделки хозяйства, культуры и быта, проблема единая в своей многогранности, сложная во взаимозависимости своих частей. Урал вступает в сегодняшний день не только с новыми заводами и электростанциями. Он строит не только домны и батареи коксовых печей. Он создает нового социалистического человека, социалистический быт, социалистическую культуру. И если в его железных рудниках гремят динамитные взрывы, то вместе с грудами тяжеловесной руды падают к ногам человека разбитые куски «идиотизма деревенской жизни». В пределах нынешней Уральской области из 7 (примерно) миллионов жителей до революции приходилось около 3 миллионов неграмотных. В старом Екатеринбурге было 650 монахов, около 100 кабатчиков и 10 инженеров. В 1932 году «мелкие сажки ликбеза дают все меньший и меньший «улов», а в Екатеринбурге — Свердловске, в городе темном и мрачных перспектив — 2.100 инженеров, 500 врачей и 1.200 учителей. Факт, в достаточной мере знаменательный.

Большому Уралу нужна большая культура. Угольно-металлургическая база на востоке должна быть базой культуры на востоке. Социалистический Урал, одна из составных частей УКК, значение которой выходит далеко за ее территориальные пределы, вправе требовать от страны внимания и помощи.

И Урал требует этой помощи.

И страна эту помощь дает.

И все-таки...

Если индустриальные центры области, ее новостройки, ее производства получают со стороны живые технические силы, если Москва, Ленинград, Донбасс, Харьков, Баку от поры до времени направляют на Урал инженеров, техников, квалифицированных рабочих, профработников, то культурные участки строительства в большинстве случаев и чаще всего принуждены вариться в собственном соку. В поезде, идущем на Свердловск, часто можно встретить электромонтера и доменщика, но почти никогда не встретишь работника культурного фронта. В списке москвичей, посланных на Магнитной, есть слесаря, инженеры, монтажники, но нет художника и не видно музыканта. Литературно-художественные организации культурных центров, существовавшие до апрельского постановления ЦК партии, безобразно мало уделяли внимания Уралу. Чего, например, стоит практика РАПП, заговорившей об Урале только после тревожных сигналов из Свердловска. Вернемся, кстати, к началу нашей статьи.

«...Мы обещаем конкретную творческую помощь Уралу»...

Так писала полгода назад группа московских и ленинградских работников литературы и искусств в своем письме-обращении ко всем работникам литературы и искусства и к секретарю Уральского обкома партии т. Кабакову. Обращение было подписано писателями — **Л. Леоновым, Вс. Ивановым, А. Безыменским, П. Павленко, Л. Сейфуллиной, М. Шагинян, А. Малышкиным, Ю. Олешей, Вл. Луговским** и др. Обращение было подписано народными и заслуженными артистами — **Вс. Мейерхольдом, Л. Леонидовым, И. Берсеневым, А. Таировым.** Обращение было подписано режиссерами, композиторами, музыкантами и художниками. Письму-обращению предшествовал выезд в Москву и Ленинград специальной уральской делегации, которая ставила своей целью создать в столичных центрах Союза широкое общественное мнение вокруг мероприятий партийной организации Урала, направленных к превращению социалистического Урала в один из крупнейших ведущих центров, опорных пунктов литературы и искусства. Ибо, говоря словами того же обращения —

— **«В процессе социалистического строительства гигантскими темпами поднимаются культурные запросы уральских рабочих и колхозников. Мощная сеть — 40 профтеатров, 9 трамов, 1500 агитбригад — уже не в состоянии и количественно и качественно удовлетворить запросы уральских ударников. Живые, подлинные строители магнитогорских домен требуют создания Магнитостроев литературы и искусства»...**

Угольно-металлургическая база на востоке должна явиться и базой социалистической культуры на востоке. И поэтому, когда рабочая общественность Урала ставит вопрос о действенной конкретной культурной помощи Москвы и Ленинграда, она предполагает такую помощь, которая **в первую очередь активизировала бы культурные силы самого Урала, вызвала бы к жизни новые культурные ростки на самом Урале,** содействовала бы созданию этой новой культурной базы как одной из важнейших предпосылок для дальнейшего развития индустриального Урала, его производительных сил.

Уральская делегация, ездившая в Москву и Ленинград, вернулась, как и следовало ожидать, не с пустыми руками. Организованные ею встречи с многочисленными представителями литературы, театра, музыки, изобразительного искусства, вызвали среди работников культуры огромный интерес к уральскому участку социалистического строительства. На вечерах много говорилось о готовности мобилизовать творческие силы. Москва и Ленинград дали уральцам социалистический вексель.

И уже через несколько дней общественность области, широко информированная местной печатью, знала, что в ближайшее время в Свердловск, Магнитогорск и другие города выезжают такие писатели и поэты, как **Всеволод Иванов, Н. Тихонов, Л. Леонов, Демьян Бедный, А. Безыменский, Н. Асеев, В. Луговской, Б. Пастернак, А. Малышкин, М. Слонимский, Л. Сейфуллина, М. Зощенко, Ефим Зозуля.** Стало известным, что в составы драматургов, приезжающих на Урал для творческой работы, входят **Ю. Олеша, Вс. Вишневский, Ромашов, Файко, Россовский,** что из Ленинграда для драматургической работы приезжает **А. Толстой,** что художники высылают специальную творческую бригаду, в которую входят **20 виднейших художников и скульпторов Союза,** что в Москве создается комиссия содействия строительству в Свердловске театра на 6.000 зрителей.

Обещания Москвы и Ленинграда этим не ограничились. Коммунистическая академия решила послать на Урал группу работников теасекции для обследования уральских театров и проведения творческой дискуссии. Сектор искусств Наркомпроса постановил направить на Урал 6 режиссеров и 200 квалифицированных актеров. Ряд московских и ленинградских театров согласился выделить несколько режиссерских и актерских бригад для обслуживания крупнейших центров области. **Качалов, Москвин, Юрьев, Мейерхольд, Леонидов** обещали наладить плановые выезды в районы Урала.

Вексель получился внушительный. Цифра была вписана крупно. Перспективы были новые и бодрые. Областная литературная газета «За Магнитострой литературы» на радостях поместила на своих страницах портреты желанных гостей — приезжающих писателей. Все говорило о приближении давно жданного перелома в культурном обслуживании нарождающихся гигантов. И пролетарская общественность Урала совершенно правильно оценила это большое событие **как один из первых деловых результатов апрельского постановления ЦК партии о перестройке литературно-художественных организаций.** Газеты писали, что «обязательства, взятые писателями, поэтами, композиторами, художниками и артистами, звучат как боевой ответ на постановление ЦК ВКП(б)».

Ясно, что «вексель» в интересах дела не может оставаться односторонним обязательством. Поэтому литературно-художественные организации Урала со своей стороны дали обеим столицам совершенно четкие и конкретные обязательства. Уральцы обязались создать для приезжающих все необходимые условия, чтобы обеспечить плодотворную творческую работу. К каждому приезжающему писателю, например, решено было прикрепить местного ответственного работника, хорошо знакомого с Уралом, для постоянной консультационной помощи. Союз советских писателей в Свердловске уже подумывал над тем, как бы наладить обсуждение творческих планов писателей рабочими предприятий. Урал ожидал от писателей не только достойных произведений об Урале, но и оживления всего уральского литературного движения, непосредственного их участия в конкретной практике этого движения, передачи богатого творческого опыта молодым писательским кадрам области. Не культуртрегерство (Уралу не нужны подачки), а живое, органическое включение в поход за культуру — именно так ставился и понимался вопрос.

И вот с момента возвращения делегации из Москвы и Ленинграда прошло уже полгода.

Полгода — срок, конечно, недостаточный для полного осуществления намеченных планов. В шесть месяцев не создашь большого художественного полотна о Большом Урале и, тем более, не вырастишь зрелого поэта из начинающего призывника-кружковца Машиностроя. Но полгода — срок, [illegible] вполне достаточный, чтобы [illegible] выполнить данные в свое время обещания.

Теперь, когда у свердловцев спрашивают о практических результатах письма-обращения к секретарю обкома партии, они устремляют глаза в потолок и, приготовив пальцы руки для перечисления, застывают в неловком молчании.

— Приезжал МХАТ II, проделавший, к слову сказать, огромную, исключительно ценную работу на предприятиях. Приезжала студия Ермоловой, давшая по несколько спектаклей на «Уралэлектромаше» и Тагилстрое. В Магнитогорске работал ленинградский ТЮЗ. Ну, а потом приезжали ГОМЭЦовские эстрадники. Из писателей очень удачно приезжал на Магнитную (с выездной редакцией «Огонька») **Е. Зозуля.** Приезжали **О. Брик, А. Малышкин, П. Незнамов.** Долго и плодотворно работал (тоже на Магнитной) **Валентин Катаев,** написавший на материалах строительства «Время, вперед». Впрочем, он работал еще до письма-обращения. Сейчас здесь работает **Борис Пастернак.** И, наконец, совсем недавно приехала небольшая группа художников. Вот, кажется, и все.

Долг Москвы и Ленинграда Урал считает неоплаченным. Приезд трех-четырех писателей и двух-трех театров — это, конечно, не то, что было обещано в вышеупомянутом письме, и далеко не то, чем «грозились» работники искусств и литературы при встречах с уральской делегацией. Уральские товарищи скромны. В своих суждениях, не лишенных горькой иронии, они иногда готовы даже оправдать столь явный разрыв между словами и делом. «Можем ли мы предъявлять Москве «иск», если у нас нет официальных «векселей» и обязательств, если обещания давались просто за дружеской чашкой кофе?». Уральские товарищи скромны. Становясь на юридическую точку зрения, они готовы забыть, что «дружеская чашка кофе» была основательно закреплена многообещающим документом, **тем самым документом, на основе которого уральские литературно-художественные организации строили планы своей работы и из которого они непрочь были исходить при обсуждении своих радужных и заманчивых перспектив.**

Один ответственный работник УМЗП в Свердловске рассказывал нам, каких огромных результатов можно было бы добиться, если бы обещания центра были выполнены. Взять хотя бы театр. В Свердловск на лето со всех концов области съезжаются режиссеры и актеры. Люди знают, что тогда-то будет гостить Качалов и что с такого-то числа начинаются спектакли Мейерхольда. Люди хотят учиться. Они буквально пьют то, что им преподносят. И если, к примеру, летом прошлого года у нас работал Мейерхольд, то зимой прошлого года чуть ли не все наши периферийные театры играли «под Мейерхольда». Если летом нынешнего года в Свердловске гастролирует МХАТ II, то будьте уверены, что зимой нынешнего года большинство наших театров будет добросовестно играть «под МХАТ II». Явление чрезвычайно характерное. Факт, показывающий неустойчивость, местами обезличенность уральских профтеатров, их большую подверженность различным влияниям, иногда очень вредным. Факт, таким образом, подтверждающий необходимость не простых гастрольных выездов столичных театров на Урал, а выездов в плане серьезной и глубокой работы с нашими театрами. Уралу нужны не только спектакли. Поработайте с нашими драматическими кружками и коллективами, передайте им свой богатейший опыт, заставьте их критически воспринимать, а не играть «под».

До революции культурным козырем Екатеринбурга была школа [illegible], школа дьяконских певчих. В Свердловске Большого Урала — и не только в Свердловске — растут свои композиторы, музыканты, художники, писатели и поэты. Это — не доморощенные таланты какой-нибудь дореволюционной Чухломы, выращенные под благосклонные вздохи почтенных и одобрительное ржание местных меценатов [illegible]. Они идут из другой социальной среды и от иных истоков. Их рождает пролетариат и воспитывает — в ожесточенной классовой борьбе — величайшая школа, академия социалистического строительства — индустриальный Урал.

— «Мы обещаем конкретную творческую помощь Уралу»...

Да. Эта помощь нужна. **И нужна особенно теперь, когда постановление ЦК партии о перестройке литературно-художественных организаций ставит перед Уралом ряд новых больших и сложных задач.** Урал напоминает о невыполненных обещаниях Москвы и Ленинграда. Письмо-обращение работников литературы и искусств обязывает многому.

Урал напоминает.

50-летие Народного поэта Белоруссии Янки Купалы

7 сентября исполнилось 50-летие со дня рождения народного поэта БССР Янки Купалы. В Минске состоится чествование народного поэта.

Оргкомитет советских писателей СССР и РСФСР послал в Минск приветствие оргкомитету союза советских писателей Белоруссии:

«Приветствуем с 50-летием рождения народного поэта БССР Янки Купалы, своими произведениями внесшего огромный вклад в белорусскую советскую поэзию. Сердечно желаем Янке Купале в дальнейшем успешно продолжать художественно-творческую деятельность и вместе со всеми писателями, совершившими поворот к социалистическому строительству, вести работу по выявлению и сплочению творческих сил белорусской художественной литературы вокруг задач построения бесклассового социалистического общества».

Янка Купала

УТОПЛЕННИК плывет по Висле

Ликует панская Варшава,
Но молния над ней повисли...
И Висла гневна, величава —
Утопленник плывет по Висле.
Югатся бельцы над крышей,
Шумят дворцы и лупанары,
И залиты рабочей кровью
Проспекты, улицы, бульвары.

Ликует панская Варшава,
В угаре обретают дар свой
[illegible]; и славится Польши слава
Отныне — владыкам государства.
И [illegible] казнокрадов челядь —
[illegible] роз, цветов, кветов
Вновь чертят, полосуют, делят
Великую землю Советов.

Ликует панская Варшава,
А в честь гуманности, прогресса,
Идет облава за облавой
На знаменитых «польских» Кресах.
Ведут ограбленных до нитки
Детей западно-белорусских,
И отзывается на пытки
Плач матерей на гонях узких.

Ликует панская Варшава,
Жандармский конь играет крупом,
Ему дано такое право
Плясать по черепам и трупам.
Открыты двери в тюрьмы хлопам,
Но в сердце хлопа громы живы.
А в Бельведере воют стопы:
«Нех жие польска дефензива».

Ликует панская Варшава,
Но молнии над ней повисли...
И Висла гневна, величава. —
Утопленник плывет по Висле.

Перевод с белорусского К. Т.

Юбилей бывшего Александринского театра

Из ста лет своей жизни Ленинградский государственный театр драмы восемьдесят пять просуществовал как императорский Александринский. Вряд ли какой-либо другой драматический театр мог с таким правом и основанием носить эту «гордую» и охранительную вывеску. В дни своего основания он был не только правительственным театром — он был театром императора. Николай I не ограничивался ролью простого — он претендовал на роль непосредственного руководителя и распорядителя хозяина. Император определял театральную и литературную политику, направлял внутреннюю линию театра и [illegible] пьесы. И как бы далеко ни отходили его наследники от театральных дел, они продолжали регулировать жизнь Александринки длинным рядом указов, приказаний, подарков и выговоров, вплоть до последнего спектакля («Маскарада»), когда в последний раз под аккомпанемент Февральской революции актерами были получены императорские «царские» дары.

В системе государственной политики Александринский театр занял важное место: его предназначали для того, чтобы найти язык, которым правительство могло бы говорить с обществом. Его пышный зал постепенно наполнялся не только дворянством, но купцами, мещанами, чиновничеством, представителями разночинной интеллигенции и, наконец, растущей промышленной и финансовой буржуазией. Театр, как чуткий барометр, реагировал на перемены правительственной политики. Каждое общественное движение находило в нем то или иное отражение, причем театр неизменно вступал в полемику с радикальными настроениями интеллигенции и с бунтарством народников. По существу правительство смотрело на него не как на художественный организм, а как на одно из оформительских учреждений, прочно вошедших в машину управления. От этого Александринский театр приобрел черты, отличавшие его от другого императорского драматического театра — Московского Малого, более связанного с кругами либеральной интеллигенции, а его близость ко двору и правящим кругам наложила яркую печать на его мастерство.

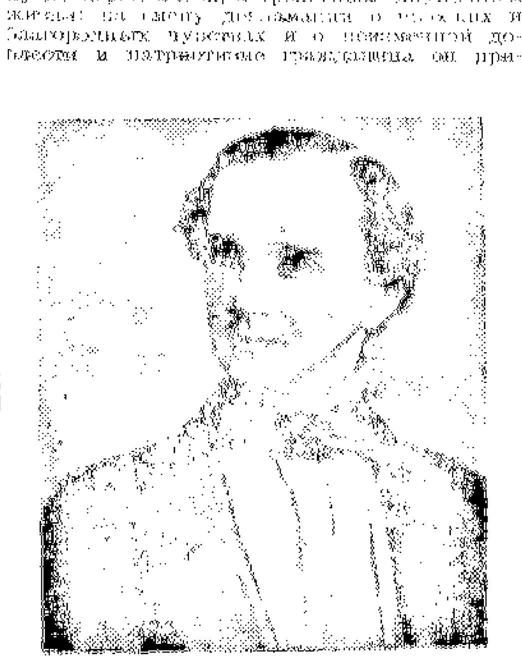
Поставленный между правительством и обществом, театр рос, креп, падал и снова возрождался между этими двумя влияниями, скрещение которых и определяло его творчество. В течение 85 лет, в канун дворянского оскудения, в эпоху крепостничества, в годы фальшивого просветительства, в эпоху революционного народничества — буквально — длинной цепью запрещений, рескриптов и преград правительство надеялось вести искусство в нужном ему направлении. Но сквозь все преграды и запрещения в театр вместе с переломами эпох врывалась бурная разнообразная жизнь, которая неслась за его стенами и подавить которую он не был в состоянии. Испытывая на себе также и влияние зрителей с каждой новой эпохой приносивших свои взгляды и стремления, этот единственный в течение 85 лет драматический театр царского Петербурга испытывал и преломление социальных устремлений различных слоев зрителя, посещавших его спектакли. В конце концов придворный аристократический зритель должен был отойти от него, предоставив Александринский театр растущей буржуазии. Год за годом, постепенно и в борьбе он сдавал свои позиции, превращаясь из театра придворно-дворянского в театр буржуазно-бюрократический. Из-за сложности внутренних и внешних позиций театра было очень сложно и разнообразно и его мастерство.

Если применительно к Малому театру можно говорить об особом стиле русского реализма и особом языке, которым говорило его искусство, то в Александринском театре всегда существовало несколько сценических струй и боролось несколько художественных направлений. Глухая и скрытная борьба велась внутри театра, отражаясь и в литературе и вырываясь наружу в ярком противопоставлении Каратыгина и Мартынова, Самойлова и Васильева. Ни в первые годы существования, ни в течение своей долгой жизни театр не стал театром передовой литературы. Шекспир и Шиллер, Мольер и Бомарше, Гоголь и Грибоедов, Островский и Тургенев тонули среди многочисленного и низкопробного литературного материала, который заполнял сцену Александринского театра. Передовые течения эпохи вторгались в него порою непреднамеренно и всегда против воли его руководителей. Занимая охранительные позиции, он в десятках и сотнях пьес, драм и комедий, защищал традиции народности, православия и самодержавия и проповедывал мораль собственничества и личного самоусовершенствования. Его философия жизни, выражавшаяся в произведениях его излюбленных драматургов (в 30-х годах — Кукольника и Полевого, а в 50-х — Дьяченко и Крылова), сводилась на защиту классового равновесия, на сентиментальной проповеди милости к падшим и на восторге перед благополучием и радостью личных чувств. Часто великие идеи, выдвинутые той или иной эпохой, появлялись на его сцене приниженные и упрощенные, и тогда вместо «народничества» театр поддакивал благополучное сотрудничество помещиков и крестьян, а в противовес социальным реформам в восьмидесятых годах — борьбу со злоупотреблениями в рамках установленного государственного строя. После официальной отмены крепостного права, он хотя бы осудить ужасы крепостничества, но отказывался посягать на основы дворянской монархии. Каждую позицию он уступал с трудом, подыскивая себе драматургов, которые могли бы внешне «угодить» реалистическую идеологию, проводником которой являлся Александринский театр.

Основной и главенствующей линией 30-х годов было искусство Каратыгина. Любимый актер императора, торжественный проводник патриотического романтизма, Каратыгин нес с собою мощное и торжественное актерское мастерство, [illegible] и увлекавшее зрителя в мир приподнятых вымыслов и [illegible] представлений. Величие императорской России [illegible] царского двора, [illegible] охранительный морали составляли содержание его игры. Его походка была величественна, переходы и раскаты его голоса могущественны, а выражаемые им страсти — неистовы. Но все его искусство в целом основывалось формальным и парадным, а зритель видел в его образах отражение сиянием его покровителя — императора Николая.

В. А. Каратыгин 1802—1853 гг.

Но рядом с величественным каратыгинской игры в том же самом Александринском театре — уже не в мелодрамах Кукольника и не в трагедиях Кукольника — складывается [illegible], созданное Мартыновым. Вместо преувеличенной жизни и торжественной выспренности французского искусства Мартынов уходил корнями в современность и первый принес на сцену облик «маленьких людей», которых в те годы только начинал описывать Достоевский. Вместо героев, аристократов и любовников, Мартынов рисовал среднего человека, которого видел или на Невском проспекте, или в чиновничьей сутолоке на Невском, или в приказной канцелярии. С исключительным для Александринского театра острым и трогательным мастерством Мартынов на основе легкой комедии или водевиля выполнял сценку не игрой масок, а трепетным ощущением живых на сцену человека с мыслями о тех, кто [illegible] и о [illegible] достоинстве и патриотизме гражданина он превратил...



А. Е. Мартынов 1816—1860 гг.

...нос гуманизма, который сделал его героем целой театральной эпохи и который заставлял заставить признать [illegible] Александринского театра. И насколько Каратыгин был обласкан внутри Александринского театра, настолько Мартыновская линия встречала отпор со стороны официального искусства и управляющих театром чиновников, которые [illegible] создать «другое» послушное и тихое искусство.

И снова в 60—70-х годах новое направление возникло на сцене Александринского театра. Психологизм и гуманизм, которые выразились впервые в Мартынове, на этот раз были продолжены мучительными и тревожными исканиями Павла Васильева. Продолжатель мартыновской линии, он с особой чуткостью увидел противоречия, зарождавшиеся в России растущего капитализма, и те изменения психологии, которые эпоха вызывала в различной социальной среде. Он умел передать неуверенность, которую испытывала разночинная интеллигенция, он тревожно откликался на опустошение и разрушение среди «бедных людей» и с ненавистью рисовал образы оскудевшего дворянства.

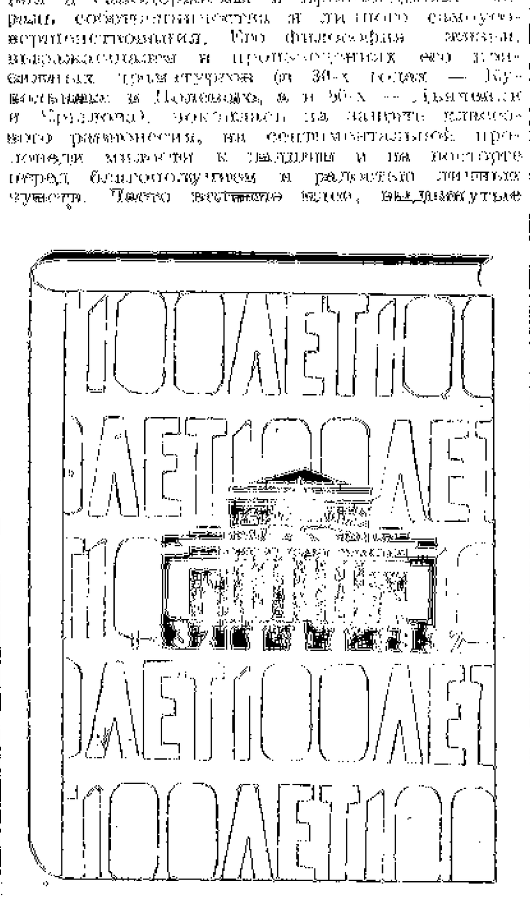
А рядом Самойлов, основываясь на заветах французской драматургии и ее эпигонах на русской сцене, своим огромным мастерством покорял уважение зрителей. [illegible] ему сочетать, уже не была более только [illegible] на карикатурное творчество. Оно [illegible] было [illegible] и перевоплощения, Самойлов делал его в унисон с [illegible] руссской трагедии. Не [illegible], он вел его [illegible] и гармоничным, более ровным мастер сценического рисунка, он был создателем [illegible]. Если искусство Васильева, то мастерство Самойлова — сохранено и [illegible] спокойствием и [illegible]. Самойлов [illegible] и [illegible] искусства Павла Васильева и Мартынова была мыслью о противоречиях социальной неправды и [illegible] жизни — Самойлов предпочитал отгораживаться и восхищаться свободными рамками эстетически уравновешенного театра.

К концу века на сцене Александринского театра создалось общество блестящих актеров, которые умело [illegible] культуры [illegible] десятилетия. То была плеяда Савиной, Давыдова, Варламова, Стрепетовой, Комиссаржевской, что на короткое время Александринский театр приобрел свой определенный и точно выраженный стиль. Актеры этого периода соединяли [illegible] мастерства с [illegible] и прекрасной характеристикой [illegible] было обусловлено тем, что Александринский театр [illegible] от прогрессивных социальных тенденций. Новые писатели могли стать в этот театр, выступающие ниже среднего [illegible] театра, в [illegible] буржуазии и чиновничества. Как и прежде, он не делался в стороне от общественных течений нового века [illegible]. Занимая [illegible] позицию, он вступал с самой в борьбу. Как в прежние годы официальными авторами театра были Кукольник и Дьяченко, так теперь репертуар театра заполнялся пьесами Гнедича, Рышкова и Шпажинского. В его спокойной и ровной своей атмосфере актеры создают ряд таких же законченных и ярких образов. Но это спокойствие было мнимым и рушилось временами. В эпохи выхода Александринского театра продолжалась прежняя борьба. Новое и оппозиционное всех прежних мастерство Савиной создавала четкий психологический рисунок с такой изящной внешней характерностью и с таким редким сочетанием действительности, которые удивляли ее современников и мастерством. Давыдов соединял сентиментальность исполнения с предельной технической виртуозностью. Откликаясь на развитие Варламова, вырывалось за рамки официального театра со всей силой непосредственной непосредственности и юмора, рисовал купцов, выдуманных помещиков и жителей «Лесов».

Приход Мейерхольда в 10-х годах должен был оживить спокойное течение Александринской сцены. На самом деле он еще больше подчеркнул жизненные в театре раздвоенность. Мечты Мейерхольда о театре художественном мастерства не осуществлялись. Он остался в театре одиноким. Между тем как великолепные актеры разыгрывали репертуар Потапенко и Рыжкова, Мейерхольд, ставивший Мольера и Лермонтова, пытался вернуть сцене Александринского театра большую литературу, но не имел возможности вернуть его труппу в единое целое. Она осталась такой же раздробленной, какой была в течение прежних лет. Только отдельные замечательные актеры на основе накопленного опыта и мастерства давали образцы высокого искусства, и в эти дни перед зрителем проходила галерея талантов художника современная или прошлая жизнь, и зритель в ужасе или восторге приобщался к полноценным его проблемам или к образам классического репертуара.

Нет ничего удивительного, что вместе с революцией распадалось и разваливалось здание императорского театра. Скорее, чем какой-либо другой театр, Александринский обнаружил, что у него не было объединяющей линии: более того, у него не было единой труппы. Еще в канун революции умерли Савина и Варламов, а в первые же ее дни большое количество крупных актеров, и том числе и Давыдов, покинули его. Наступила пора пересмотра и перелома тех традиций, которыми жил театр. В течение 15 лет театр пытается изжить противоречия прошлого, чтобы, очистив в них подлинные зерна классической культуры, перейти к большому искусству настоящего. Этот перелом совершается в театре с большой болезненностью и в длительный промежуток времени. Нужно было создать новые кадры актеров, объединить их общей идеей и научить их «служить революции». Не все попытки на первых порах увенчивались успехом. Самые корни искусства Александринского театра нуждались в решении. Основу приходилось искать не столько в репертуаре, сколько в актерском мастерстве и в его традициях. Поэтому сейчас особенно знаменательны для жизни Александринского театра заключительные потребности мировоззрения и взгляда на жизнь. За любовью к внешнему украшательству скрывается любовь, свойственная искусству современности с Мартыновым и Павлом Васильевым. В лучших своих традициях театр драмы, видимо, остановится не на помпезности каратыгинских традиций и не на внешнем искусстве Самойлова, а учтя все совершенство и блеск их техники, на том умении видеть жизнь, которая основана на глубоком и внимательном изучении современного быта и психологии — на умении, образцы которого показали Мартынов, Васильев и их преемники. Современность уже достаточно крепким шагом входит в стены старого императорского театра. Новые темы и новый тип театра уверенно входят его сценой. Радость театрального мастерства не покидает его. Но как за эти годы Александринский театр выходил и ревниво хранил классиков. Тем увереннее должно быть его шага к овладению всей глубиной и пафосом современного актерского мастерства, чтобы он мог стать подлинно живым театром, а не только хранилищем образцов прежних достижений и противоречий.

П. А. МАРКОВ



Супер-обложка сборника «100 лет», выпускаемого дирекцией Ленинградского театра гос. драмы к столетнему юбилею б. Александринского театра

Ленинградский театр, он воспитывал преимущественно блестящего актера-профессионала, заботясь больше о внешнем техническом мастерстве, чем о глубоком со...

В. Г. Вешнев

7 сентября умер после продолжительной болезни Владимир Георгиевич Вешнев, член ВКП(б), современный критик, журналист, беллетрист, директор государственного Толстовского музея.

В. Г. Вешнев родился в 1881 г. в Одессе, в интеллигентной семье, и в раннем возрасте потерял родителей. Оказавшись вместе с [illegible] он затем сдал экзамен на звание учителя с тем, чтобы [illegible]. Уже в юношеском возрасте [illegible] и революционные кружки, и с 1905 года сблизился с эсдеками. Тогда начался облачный путь революционера: обыски, тюрьмы, аресты, ссылки, и в 1909 г. вместе с [illegible] он попал в эмигрантскую ссылку. Затем следуют побеги, подполье, тюрьмы, эмиграция. В 1917 г. Вешнев вернулся в Россию и вскоре вступил в ВКП(б).

Первое выступление Вешнева в печати относится к 1903 году. С тех пор он сотрудничал в журналах и газетах, печатал статьи, фельетоны, корреспонденции, библиографические очерки, [illegible] под различными псевдонимами [illegible], Удуля, Евгений В., Стрелков и пр. После революции Вешнев редактировал советские журналы «Гермес», «Утренник» и [illegible] сотрудничал в [illegible] газетах и «Литературной газете», в сборниках и альманахах «Спектр», «Современник» и др., в журналах «Новый мир», «Печать и революция», «На литературном посту», «Октябрь», «Молодая гвардия» и др., в газетах «Правда», «Известия ЦИК и ВЦИК», «Литературная газета», «Читатель и писатель», «Рабочая газета», «Вечерняя Москва» и др. В. Г. Вешневым написаны книги «Вдохновенная поэзия», «Очерки критических статей о живописи и литературе» (ГИЗ, 1929) и др.

Стойкий большевик, талантливый организатор, чуткий товарищ — таким был В. Г. Вешнев.

А.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Считая недопустимой по тону статью тов. Сурикова, мы солидаризируемся с ним в оценке творчества А. Мингса.

ЭД. БАГРИЦКИЙ
М. ЗЕНКЕВИЧ.

ИЗВЕЩЕНИЯ

◆ 15 сентября, в 19 часов, в красном уголке журнала «Молодая гвардия» (Новая пл., 6/8) созывается совещание авторов и художников для обсуждения редплана на 1933 год по литературе дошкольного и младшешкольного возраста.

◆ Дом отдыха горкома писателей «Голицыно» (ст. Голицыно, МББ ж. д.) с 1 октября будет функционировать в зимнем сезоне как «Дом творчества писателей» со специальным режимом, рассчитанным на создание творческой обстановки писателя.

Желающим забронировать за собой места на зимний сезон рекомендуется до 1 октября подать заявления в соцбытсектор горкома (Дом Герцена, 3-й этаж, комн. 1).

Дом отдыха «Малеевка» (Порохово, МББ ж. д.) продолжает функционировать в зимнем сезоне. Записи на места для членов горкома и их семей подавать в соцбытсектор горкома.

Ответственный редактор С. ДИНАМОВ

ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Тверской б., 25, Дом Герцена, 3 этаж.
Телефоны: Секретариат 1-30-63. Отв. редактор 2-60-12.

АДРЕС ИЗДАТЕЛЬСТВА: Журнально-газетное об'единение: Москва, 6, Страстной б., 11. Телефон 5-51-69.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА 1932 Г.
На 12 м.—6 р. — к.
На 6 м.—3 р. — к.
На 3 м.—1 р. 50 к.

Рукописи не возвращаются.

НАХОДИТСЯ В ПРОИЗВОДСТВЕ ОЧЕРЕДНОЙ ТОМ №№ 4—6

„ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА“ посвященный ГЕТЕ

Содержание:

А. ЛУНАЧАРСКИЙ.—Гете и его время.
Л. АВЕРБАХ.—Гете и современная эпоха.
С. ДИНАМОВ.—Юбилей Гете и капиталистический Запад.
С. ДУРЫЛИН.—Русские писатели у Гете в Веймаре.

ВСТУПЛЕНИЕ
Глава I. Ранние русские знакомства Гете.
Глава II. Гете и политика Александра I и Николая I. § 1. Посол русского царя при дворе Гете. § 2. Александр I и Гете. § 3. Три императрицы и Гете. § 4. Николай I и Гете.
Глава III. Русские официальные и официозные гетеанцы. § 1. «Друг Гете». § 2. Веймарский штемпель русского официального гетеанства. § 3. Русская знать и русская реакция вокруг Гете. § 4. На троне и Гете.
Глава IV. Ал. И. Тургенев и Гете.
Глава V. Жуковский и Гете.
Глава VI. Люди 14 декабря и Гете. § 1. Кюхельбекер и Гете. § 2. Аристократ декабристских интересов у Гете в Веймаре.
Глава VII. Московские любомудры у Гете. § 1. Вертер auf der Stadt Moscau. § 2. С. П. Шевырев и Гете. § 3. З. А. Волконская и Гете. § 4. А. И. Кошелев и Гете.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ
В. ЖИРМУНСКИЙ.—Гете в русской поэзии.
Глава I. Общие предпосылки.
Глава II. Вертериана.
Глава III. Вокруг лирики.
Глава IV. Переводы крупных произведений. Собрания сочинений.
Глава V. Русский «Фауст».
НЕИЗДАННЫЕ ПЕРЕВОДЫ РУССКИХ ПОЭТОВ ИЗ ГЕТЕ.
Переводы А. Востокова, В. Кюхельбекера, А. Розена, Н. Чернышевского, Н. Огарева, Ф. Тютчева и Алексея Толстого.
«ФАУСТ» В НЕИЗДАННОМ ПЕРЕВОДЕ ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА.
Предисловие И. Ипполита, комментарии В. Пуришева.
И. СЕРГИЕВСКИЙ. Гете в русской критике.
Предисловие Л. Каменева.

ОБЗОРЫ
М. ПЕТРОВСКИЙ. Судьба литературного наследства Гете.
Ф. ШИЛЛЕР.—Гете в западной критике.
А. ГАБРИЧЕВСКИЙ.—Автографы Гете в СССР.
А. ЭФРОС.—Гете и художественные наследство СССР.
С. ПОПОВ.—Гете в русской музыке.
Н. ВОЛКОВ.—Гете в русском театре.
С. РЕЙСЕР и А. ФЕДОРОВ.—Гете в русской цензуре.
I. Запрещенный Гете на русском языке.
II. Книги Гете в «Комитете цензуры иностранной».

СООБЩЕНИЯ
НЕИЗДАННЫЕ ЭПИГРАММЫ МАРКСА НА ГЕТЕ.
Сообщение Ф. Шиллера.
НЕИЗВЕСТНАЯ РЕЦЕНЗИЯ ПЛЕХАНОВА О ГЕТЕ.
Сообщение И. Ипполита.
ПОМЕТКИ ТУРГЕНЕВА НА ЭКЗЕМПЛЯРЕ ПЕРЕВОДА «ФАУСТА» ВРОНЧЕНКО.
Сообщение Н. Клемана.
НЕИЗДАННОЕ ПИСЬМО ТОЛСТОГО О ГЕТЕ.
Сообщение Н. Гусева.

БИБЛИОГРАФИЯ
ГЕТЕ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ.
Библиографический указатель В. Пуришева.
ГЕТЕ В РУССКОЙ КРИТИКЕ.
Библиографический указатель В. Зубкова.
ГЕТЕ В РУССКОЙ МУЗЫКЕ.
Библиографический указатель О. Ловиной.

ХРОНИКА
ГЕТЕВСКИЕ ДНИ В СССР.
ГЕТЕВСКИЕ ВЫСТАВКИ В МОСКВЕ, ЛЕНИНГРАДЕ, ХАРЬКОВЕ, КИЕВЕ, МИНСКЕ.
НОВЫЕ СОВЕТСКИЕ ИЗДАНИЯ ПО ГЕТЕ.
В гетевском номере свыше 1000 страниц, до 500 иллюстраций, при большом количестве вкладок и одна четырехкратка.
Гетевский номер печатается Гознаком.
Первая часть издания (№№ 1—3) распродана полностью.
Подписка принимается на вторую часть издания (№№ 4—6) и третью часть издания (№№ 7—9).
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на одну часть—12 р. 50 к., на обе части—25 р.

Подписку сдавайте только почте в установленные ею сроки.

Жургазоб'единение.

ЗАПАД сегодня

6 сентября в Доме литературы состоялась встреча Ильи Эренбурга с советскими писателями. Эренбург отвечал на записки.

— В рядах французских писателей происходит перестановка. Писатели, которые нам сочувствовали в свое время, теперь отходят, отклоняются вправо. На их место приходят другие. Мне кажется, что симпатии 19-го года были эмоциональны. Симпатии же сегодняшнего дня выражают стремление заменить хаос системой. С этой точки зрения последнее выступление Андре Жида приобретает огромное значение. Его выступление — выступление неофита. Я говорил с ним. Он мне сказал, что он—сталинец и что в октябрьском номере «Нувель ревю франсэз» появится его «Исповедь». Будущей весной он вместе с Блок-Эмзаром, фигурой значительной и в политическом смысле с каждым годом приближающейся к нам) приезжает в Москву.

К сочувствующим нам эмоционально принадлежат сюрреалисты. Их общественная и литературная позиция совершенно [illegible]. Есть таланты, но таланты эти архаичны. Их политические симпатии носят характер некоторого снобизма и желания скандала. Мак Орлан, пишущий сейчас спортивные и полицейские детективные романы, увлекся «особенностями славянской души». Большую пищу для рассуждений на эту тему дал процесс Горгулова.

Так называемые пролетарские писатели Франции группируются вокруг журнала «Монд». Большинство их — рабочие или выходцы из мелкобуржуазной среды. Был я однажды на литературном обеде, и вот Марк Бернар прочел манифест группы. Манифест чрезвычайно сентиментальный. Вместо революционных формулировок в нем были сведения хорошо относиться к рабочему классу.

Среди писателей «Монд» есть, конечно, несколько высокоодаренных и в первую очередь нужно назвать имя Андре Мальро. Его книжка «Завоеватели», пожалуй, лучшее, что было во французской литературе за последние 5-6 лет. После «Завоевателей» он написал еще одну книжку, менее ценную.

Есть крестьянский писатель — по происхождению среднее между художником и помещиком — Андре Шамсон. Из более старых — Жан Ришар Блок. Это — [illegible], очень [illegible] человек, трагедия которого разъедает даже его ячак.

Помимо этой группы так называемых пролетарских писателей есть еще объединение, ведущее свое начало от Харьковской конференции. В него входят несколько журналистов из «Юманите» и несколько корреспондентов. Входят также несколько критиков, как, например, блестящий Леон Муссинак. Сейчас он организовал рабочий театр в Париже, и первая постановка этого театра — «Бронепоезд» Вс. Иванова.

На вопрос, оказывает ли белогвардейская литература на французскую какое-либо влияние, Эренбург ответил:

— Трудно представить.

И в качестве примера, показывающего истинное положение вещей, приводит забавный случай.

Когда белогвардейский эмигрант Андрей Левенсон, работающий во французской газете «Нувель Литерер», напечатал статью о Маяковском после смерти поэта, мы выступили с протестом. Под этим протестом подписалось все, что было лучшего во французской литературе. Подписались люди политически совершенно не связанные с нами. И все-таки Левенсон был оставлен в редакции.

Влияние?

Судите сами: когда я принес протест в редакцию «Нувель Литерер», редактор встретил меня словами:

— Протест мы напечатаем только при том условии, если вы измените некоторые формулировки.

— Какие именно?

— А вот вы пишете: «Мы удивлены, как могла большая литературная газета напечатать такую злостную клевету». Я смогу поместить протест лишь в том случае, если будет сформулировано так: «Мы удивлены, как самая большая литературная газета Франции могла напечатать такую злобную клевету».

Таким образом, когда дело доходит до серьезного, решительного, французы не церемонятся со «слугами» из эмигрантского лагеря.

Или еще.

Собираюсь итти в Пен-клуб. Пенклубисты говорят: «У нас бывают русские эмигранты».

— Ну, тогда я не пойду.

— Нет. Зачем же? Приходите. Мы их на этот раз не пригласим.

Что белые дали ценного?

Я ценного ничего не читал. О качестве белоэмигрантской литературы можно судить хотя бы по стихам поэта Несмелого:

«Хотел бы я быть и чумою,
Чтоб русский народ наказать...»

Посижной. Белогвардейщина. Убийство Думера... Ярко рисует Эренбург эпизоды процесса Горгулова.

Много интересного говорит он о советской литературе на Западе. Во Франции было переведено около 40 книг советских писателей. В Барселоне пользуется большой популярностью Зощенко, в Дании — Валентин Катаев, и самая любимая книга — «Растратчики». В последнее время переводы с русского почти перестали появляться. Илья Эренбург считает, что наша советская литература, имевшая в свое время международный захват, становится локальной.

— Если бы советские писатели показали живого человека, — говорит он, — если бы они написали роман о нашем двадцатилетнем молодом человеке — это произведение обошло бы всю Европу.

Творческий вечер Ф. ВАГРАМОВА

[illegible] научно-методическом [illegible] вновь организован [illegible] писателей и творческих [illegible].

[illegible] творчеству Ваграмова.

[illegible] новой пьесы «Беспартийный» [illegible].

[illegible] т. Аллере [illegible] драматургии, которые [illegible].

[illegible] т. Ваграмов [illegible].

[illegible] т. Аллереу выступил т. Вишневский. Он отметил [illegible].

[illegible] т. Аллерева [illegible] «Беспартийного» [illegible].

[illegible] т. Ампилогова, между прочим, заметил:

— Творчество т. Ваграмова представляется мне богатейшими красочными глыбами нашей жизни. Но этого огромного материала еще не коснулась опытная рука архитектора. Когда Ваграмов овладеет «архитектурным» мастерством, т. е. умением придавать высококачественному материалу высококачественную форму — его творчество зазвучит полноценными произведениями.

***

Имея в виду, что вечер т. Ваграмова является лишь началом целой серии авторских вечеров, следует сказать, что вечер не может быть признан вполне удачным. Основной недостаток его — слабое знакомство аудитории с творчеством драматурга. Мы имеем в виду не случайных гостей, но и основных докладчиков. К таким вечерам, которые имеют для авторов исключительное значение, необходимо тщательно готовиться.

Тов. Аллере наметил в основном правильные пути развития т. Ваграмова, однако не сделал анализа конкретных произведений драматурга, а оторвался больше на [illegible] результаты исследования современной драматургии в целом, особенно творчества молодых кадров, для которых Ваграмов является. В такой же форме верное по существу положения т. Аллереса не могли не звучать для т. Ваграмова да и для аудитории несколько абстрактно-теоретически.

Эту «деталь» необходимо учесть на будущее.

А. ЖУРОВ

Письма читателей

РОСТОВ МОЛЧИТ

Литературное движение в национальных районах Северного Кавказа, в свое время выпадавшее из поля зрения северокавказской АПП, до сих пор остается беспризорным. Вот уже три года прошло, как организовались карачаевские пролетарские писатели, но в Ростове-на-Дону об их существовании до сих пор не знают. Во всяком случае, Ростов ничего не сделал, чтобы помочь карачаевцам.

В результате местные литературные кружки распадаются.

Оргкомитет Северного Кавказа должен это учесть.

КАРАЧАЕВСКИЙ КРИТИК

От редакции. Ждем от Северокавказского оргкомитета сообщения о том, что им предпринимается для улучшения руководства национальными литорганизациями края.

Вниманию читателей „Литгазеты“

ОГРАНИЧЕНИЕ ТИРАЖЕЙ ЗАСТАВЛЯЕТ НАС ЗНАЧИТЕЛЬНО СОКРАЩАТЬ ОТПУСК ГАЗЕТЫ ДЛЯ РОЗНИЦЫ И УДОВЛЕТВОРЯТЬ В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ ПОДПИСЧИКОВ.

ЧТОБЫ ОБЕСПЕЧИТЬ СЕБЯ ГАЗЕТОЙ, ПОДПИШИТЕСЬ ИЛИ ВОЗОБНОВИТЕ ПОДПИСКУ С ОКТЯБРЯ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО НА МЕСТНОЙ ПОЧТЕ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ С ПЕРЕХОДОМ НА 1933 ГОД. ДОЛГОСРОЧНАЯ ПОДПИСКА ОБЕСПЕЧИВАЕТ АККУРАТНУЮ ДОСТАВКУ.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 12 МЕСЯЦЕВ—6 РУБ., 6 МЕС.—3 Р., 3 МЕС.—1 Р. 50 КОП.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ТОЛЬКО ПОЧТОЙ.

МАССОВО-ТИРАЖНЫЙ СЕКТОР ЖГО.

ВОЗОБНОВИЛИ ЛИ ВЫ ПОДПИСКУ С ОКТЯБРЯ МЕСЯЦА НА ГАЗЕТУ

СОВЕТСКОЕ ИСКУССТВО

Срок подписки сокращен.

Только своевременная подписка обеспечивает аккуратную доставку.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 12 м.—6 р., 6 м.—3 р., 3 м.—1 р. 50к.

Тираж ограничен.

Подписку сдавайте только местной почте не позже установленного ею срока.

Журнально-газетное об'единение.

ГИХЛ
Книготорговое Об'единение

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛА В ПРОДАЖУ КНИГА:

Е. УСИЕВИЧ

„За чистоту ленинизма в литературной теории“

(О литературных ошибках Л. Авербаха)

С предисловием П. Юдина
Стр. 48. Цена 60 к.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ во все отделения и магазины КОГИЗ'а. Наложенным платежом высылает „Книга — почтой“ — МОСКВА, 64.

ВЫХОДИТ ИЗ ПЕЧАТИ И НА-ДНЯХ БУДЕТ РАЗОСЛАН № 7 ЖУРНАЛА

НАШИ ДОСТИЖЕНИЯ

Ответственный редактор—М. ГОРЬКИЙ.

Основные темы №: а) Большая Москва.
б) Рождение нового человека.

СОДЕРЖАНИЕ: А. ЭРЛИХ — Столица машиностроения (Москва), Е. ГАБРИЛОВИЧ — Прогулка по центру (Москва), Тих. ХОЛОДНЫЙ — МОГЭС (Москва), М. [illegible] — [illegible] (Москва), К. ФИНН — [illegible] (Москва), А. [illegible] Москва в цифрах, Н. ВЕЛИКОВ — Бригада [illegible], Москва, Е. ШТЕЙНБЕРГ — Учитель (Сураж-[illegible]), [illegible] (Москва Электрозавод), А. ПОПОВСКИЙ — [illegible], Н. ВАГНЕР — Журавли [illegible] наших дней. ПО СОВЕТСКОЙ ЗЕМЛЕ: [illegible] Волга придет в Москву, Г. БРЕЙМАН — [illegible] глубокого горизонта (Стар. Грозный, нефт. промыслы), В. [illegible] — [illegible], ст. Павловская, С. Кавказ), М. ТИМОФЕЕВ — Энергия солнца (Самарканд), А. АРОБИ — Победа (Москва, [illegible] Электрозавод), Ф. БУХАРОВ — Проволока (Заводы «Серп и молот» и «Гардинолента» в Москве), А. ВАРГИНЕЕВ — Машину на болота (Иваново-Вознесенск, [illegible] торфяных машин).

Ежемесячный журнал «НАШИ ДОСТИЖЕНИЯ» в живой литературной форме показывает и пропагандирует успехи социалистического строительства. «Наши достижения» рассчитаны на передовые слои рабочего класса, колхозников, техническую интеллигенцию, учительство, партийный, комсомольский и профсоюзный актив.

С № 7 «НАШИ ДОСТИЖЕНИЯ» издаются Журнально-газетным об'единением.

Продолжается прием подписки с тек. м-ца.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 12 м.—6 р., 6 м.—3 р. 50 к., 3 м.—1 р. 75 к. Отдельный номер—50 коп.

Подписка принимается только почтой не позднее установленного ею срока.

Журнально-газетное об'единение.